

005045391

На правах рукописи

Курбанова Лида Увайсовна

**ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ
ЧЕЧЕНЦЕВ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ**

Специальность 22.00.04 – Социальная структура,
социальные институты и процессы

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук

- 7 ИЮН 2012

Краснодар – 2012

Работа выполнена на кафедре социологии ФГБОУ ВПО
«Кубанский государственный университет»

Научные консультанты: доктор социологических наук, профессор
Петров Владимир Николаевич;
доктор исторических наук, профессор
Малышева Елена Михайловна

Официальные оппоненты: **Хагуров Айтөч Аюбович**
доктор социологических наук, профессор
ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный
аграрный университет», профессор кафедры
социологии и культурологии;
Дятлов Александр Викторович,
доктор социологических наук, доцент
ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет»,
профессор кафедры теоретической и практической
регионалистики;
Самыгин Петр Сергеевич,
доктор социологических наук, доцент
Ростовского государственного экономического
университета (РИНХ), профессор кафедры теории,
истории права и государства

Ведущая организация – ФГБОУ ВПО «Ставропольский государственный университет»

Защита состоится 25 мая 2012 г. в 10 ч. 00 мин. на заседании диссертационного совета ДМ 203.017.01 по философским и социологическим наукам при Краснодарском университете МВД России (350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128, зал заседаний диссертационного совета).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Краснодарского университета МВД России.

Автореферат разослан 24 апреля 2012 г.

Учёный секретарь диссертационного совета

С.Г. Черников

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Гендерные аспекты самоидентификации личности в условиях трансформирующегося общества обуславливают новый способ её бытия. Модифицирующийся мир в условиях глобализации диктует изменение места и роли мужчины и женщины в обществе, что сопряжено с фрагментарностью и противоречивостью общественных процессов, множественностью сфер их деятельности, дестабилизирующей некогда устойчивую гендерную идентичность в контексте этнической социокультурной системы. Трансформационные процессы в обществе детерминируют отсутствие единого социального значения гендера, с которым мужчина и женщина могли бы идентифицироваться, порождают поиск новых смыслов, обеспечивающих стабильность общества и его изменение одновременно.

В процессе социокультурной модернизации традиционного уклада жизни народов Северного Кавказа исторически сложившаяся здесь этническая парадигма подвергалась значительной деформации. Одним из регионов, где в последние 10–15 лет стал нарастать динамизм в общественных взаимоотношениях в рамках перехода от традиционных норм и ценностей к модернистским, является Чеченская республика. Как результат отражения палитры кардинальных структурных изменений российского общества данный регион в конце XX – начале XXI века испытал сложные и неоднозначные социально-политические изменения. Динамика трансформационных изменений чеченского общества характеризуется полярным содержанием социальных изменений: глобализационные процессы, несущие с собой нивелировку привычных социокультурных практик, сопровождаются усилением самоидентификационного ресурса личности, способы понимания и представления мира которого обусловлены историческим, религиозным и культурным контекстом. Именно поэтому объяснительная модель изменений в чеченском обществе лежит в плоскости осознания той парадигмы, что общественные отношения невозможно объяснить только их современным состоянием. По словам И.А. Ильина, «судьбы народа сокрыты в его истории, которая таит в себе не только его прошлое, но и его будущее. Она являет собой его духовное естество: и его силу, и его дар. История народа есть молчаливый глагол его духа; таинственная запись его судеб, пророческое знамение грядущего»¹.

Актуализация проблематики гендерных отношений с позиции социологического подхода обнаруживается и на уровне осмысления сущности гендерной и этнической идентичности в конкретном преломлении этих сущностных характеристик в изменяющейся социальной реальности.

¹ Ильин. И.А. О России. – М.: Мысль, 1991. – С. 67.

Противоречивость и сложность процессов гендерной самоидентификации личности в чеченском обществе обуславливается комплексом факторов, требующих теоретической рефлексии и экспериментального анализа. Среди этих факторов особое значение имеют следующие:

- установки традиционной культуры чеченцев в виде гендерных ролевых стратегий ценностно-нормативных практик представляют собой то социокультурное поле, преобразования в котором воспринимаются общественным сознанием как кризис этнической идентичности личности, что сопряжено с определенным социальным напряжением;

- трансформации социальных структур российского социума неоднозначно отразились на чеченском обществе: с одной стороны, оно активно вовлечено в демократические преобразования страны; с другой стороны, политический кризис в Чеченской республике 90-х гг. обусловил деформацию его важнейших социокультурных институтов, таких, как семья, личность, общество, связи мужчины и женщины, взаимоотношения родителей и детей. Несоответствие гендерной ментальности традиционного общества и гендерной реальности в бытовой, экономической, правовой, социокультурной сферах обуславливают правомерность данного исследования;

- социологическое исследование проблемы этнокультурной самоидентификации личности в гендерном аспекте важно также в связи с высокой миграционной активностью чеченцев внутри страны и эмиграцией в страны Западной Европы. В связи с этим возникают трудности в поддержании определенности, целостности и гомогенности этнокультурной идентичности чеченцев, в том числе и гендерной идентичности вайнахов, оторванных от родовых корней при переселении их в иноэтничные социально-территориальные образования: в регионы Российской Федерации, в Бельгию, Германию, Францию и др.

Процессы конструирования и воспроизводства гендерной самоидентификации мужчин и женщин в чеченском обществе наполнены сильным влиянием традиционной культуры. Они осуществляются через распространение и личностную интернализацию ее принципов. Обращение соискателя к исследованию этой стороны идентификационных процессов позволяет понять особенности институциональных механизмов и имеющихся форм гендерного поведения в повседневных практиках, дает возможность наметить пути формирования оптимальных социальных условий для успешной интеграции индивидов в поликультурный мир, а также формирования толерантных гендерных отношений в рамках конкретной социокультурной системы.

Тема диссертационного исследования в силу своего комплексного характера находится на пересечении проблемных областей ряда наук о человеке и обществе. В то же время данная проблемная сфера представляет совер-

шенно определенную отрасль современной социологии – гендерную социологию, изучающую закономерности развития и социального взаимодействия гендерных общностей (мужской и женской) во всех сферах общественной жизни, эволюцию их социальных статусов с учетом влияния конкретных исторических условий, культурных традиций, символов и стереотипов, а также биопсихологических особенностей. Рассмотрение всех этих аспектов в рамках соответствующих дисциплин создает основательную базу для междисциплинарного соотнесения теоретических наработок в исследовании заявленной проблемы.

Научная литература, посвященная гендерной проблеме, чрезвычайно многообразна, что создает необходимость вычленения из ее массива аспектов, способствующих теоретическому осмыслению и эмпирическому анализу психофизиологических, религиозных, социокультурных, экономических и правовых срезов самоидентификационных процессов личности в российском обществе в целом, и в чеченском обществе – в частности.

Исходные параметры гендерологического знания, сформированного в европейской культурной традиции, закладывались еще в рамках классической философии, которые мы находим в работах Н.А. Бердяева, Г. Гегеля, Ф. Ницше, Платона, В.В. Розанова, З. Фрейда, Э. Фромма, Д. Юма, К. Юнга и др. Эти труды помогают проследить диалектику развития как самой личности, так и ее отношений с противоположным полом через выявление противоречий в оценках этих отношений, а также осмысление причин их трансформационной динамики. Природное различие мужчины и женщины как одна из фундаментальных основ жизни всегда было в центре внимания исследователей и сегодня изучается дисциплинами как гуманитарного, так и биологического направлений. Весомый вклад в гендерные исследования в рамках отклонений от существующих норм в биологическом ключе внесли Ж. Лакан, Э. Лаан, М. Фуко и др.

Концептуальные теоретико-методологические исходные положения диссертационного исследования зиждятся на трудах, посвященных анализу гендерного аспекта идентификации личности как теоретической конструкции в системе гуманитарного и социального знаний таких видных учёных, как Э. Гидденс, И. Гоффман, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Т. Парсонс, П. Пирелла, Д. Скотт, Г. Спенсер, З. Фрейд, Э. Фромм, М. Хайдеггер, Э. Эриксон, а также отечественных исследователей: М.В. Заковоротной, Е.А. Здравомысловой, И.С. Кона, И.С. Куприяновой, Т.П. Матяш, В.А. Ядова и др. Проблема кризиса идентичности человека нашла отражение в исследованиях Н.М. Ершовой, Н.П. Полежаевой, Е.Г. Трубиной, В. Хесле и др.

Для анализа влияния гендерных стереотипов на процессы конструирования и функционирования идентичности личности на рынке труда в регио-

нальном аспекте использовались методологические подходы ряда известных отечественных исследователей: В.С. Агеева, М.Е. Баскаковой, С.Ю. Барсуковой, Л.С. Егоровой, А.А. Клецина, Н.М. Римашевской, З.А. Хоткиной и др.

Осмыслению проблемы трансформации гендерной самоидентификации личности в условиях институциональных изменений российского общества способствовали результаты исследований в области методологии изучения различных аспектов конструирования современных идентичностей. Данная проблема получила дальнейшее развитие в работах таких известных зарубежных исследователей, как С.Л. Бем, П. Бергер, Р. Брайдотти, В. Брайсон, С. де Бовуар, П. Бурдьё, Р. Мертон, а также в трудах отечественных ученых: А.С. Ахизера, О.А. Ворониной, И.А. Жеребкиной, Э. Левинас, Л.Н. Пушкаревой, Е.О. Труфановой и др.

Социокультурные особенности и институциональные механизмы гендерной самоидентификации личности представителей этнических групп рассматриваются в работах северокавказских исследователей: М.А. Бутаевой, Ю.Ю. Карпова, М.Л. Текуевой и др. Гендерный аспект нравственной культуры чеченцев, его обычаев и традиций, этикет традиционной чеченской семьи рассмотрены З.И. Хасбулатовой. Предметной областью исследования религиозных и нравственно-этических ценностей чеченцев являются многочисленные работы писателя и драматурга М.А. Ахмадова; проблеме ментальности чеченцев посвящены исследования М.М. Бетильмерзаевой, широкий круг вопросов традиций чеченцев рассмотрен в трудах Б.Б. Нанаевой и др.

Таким образом, зарубежные и отечественные авторы с различных методологических позиций и в рамках разных исследовательских парадигм рассматривали сущность, процессы, институциональные механизмы конструирования гендерной идентификации и самоидентификации личности в условиях трансформационных изменений общества. В качестве отправной эмпирической базы в них использовался конструкт гендерной идентичности как своеобразной системы, продуцирующей различия мужчины и женщины, вписывая эти различия в отношения власти и подчинения, которая становится частью сложной сети гендерных взаимоотношений в традиционной культуре.

Чрезвычайно активизировалось изучение пространства гендерных взаимоотношений этнокультурных традиций чеченцев в связи с миграционными процессами этноса в страны Европы. На базе Австрийского фонда интеграции подготовлена совместная работа А. Йанда, Н. Лайтнера, М. Фогла «Чеченцы в Европейском Союзе». Гендерная идентификация чеченской женщины в ней рассматривается как сложный процесс, сопровождающийся, с одной стороны, осознанием чеченской женщиной ряда преимуществ нормативных западных установок, с другой стороны, как указывают исследователи, «...для них традиционная культура дает чувство безопасности, ибо то, с чем они сталкиваются в эмиграции, не является для них альтернативой». Более

того, они утверждают, что даже тогда, когда наступает кризисный период для чеченской традиционной культуры в эмиграции, для большинства женщин неприемлемо отступление от традиционных моральных норм. Мы согласны с точкой зрения Кандиоти: «Вопреки тем трудностям, которыми обременяет классический патриархат чеченских женщин (а эти трудности часто идут вразрез с экономической и эмоциональной стабильностью), они часто стараются придерживаться традиционных норм и сопротивляются процессу адаптации к западным ценностям» (Кандиоти, 1988, 282)»².

Подводя итоги анализа научной разработанности темы диссертационного исследования, можно констатировать, что вместе с указанными работами историографии проблемы эти исследования являются в основе своей фрагментарными, без учета трансформационных изменений всего чеченского общества как на территории своей исторической родины, в местах миграции внутри страны, так и в условиях зарубежья.

В связи с этим возникла потребность в комплексном изучении обозначенных параметров с учетом гендерного аспекта, обуславливающего многовариантность идентификации и самоидентификации личности в их ценностно-нормативном проявлении внутри автохтонного проживания этноса и в местах миграционного вселения.

На основе теоретического и эмпирического анализа содержания, форм, институциональных механизмов формирования гендерной идентификации и самоидентификации личности в чеченском обществе, находящемся в состоянии перехода в современное культурно-цивилизационное пространство, в диссертации предпринимается попытка сформулировать концепцию трансформации идентичности, представляющую сложное единство идентификационных предпочтений представителей традиционной социокультурной системы и усложнения идентификационного ресурса личности в условиях интеграции в поликультурный мир.

В этом контексте обостряется и актуализируется потребность в развитии социологического осмысления возникающих в данной области новых проблем гендерной самоидентификации личности в чеченском обществе, в контексте изменений и трансформаций, которые несет в себе глобализирующийся мир.

Цель диссертационного исследования заключается в теоретическом и эмпирическом исследовании гендерных аспектов самоидентификации личности чеченцев в трансформирующемся обществе.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих исследовательских задач:

² Alexander Janda, Norbert Leitner, Mathias Vogl . Chechens in European Union. Republic of Austria. Federal Ministry of the interior, Austrian Integration Fund. – Vienna, 2008. – С.121 -122.

– рассмотреть содержательные и процессуальные характеристики гендерной идентичности как теоретической конструкции в системе гуманитарного и социального знания;

– раскрыть особенности и показать возможности институционального подхода в исследовании гендерной идентичности;

– изучить методологические ресурсы субъектного подхода в исследовании гендерной идентичности;

– выявить и систематизировать процессуальные и структурные аспекты гендерной идентификации и самоидентификации личности;

– показать роль традиционной культуры в формировании и воспроизводстве гендерной идентичности личности чеченцев;

– определить специфику влияния стереотипов на процессы конструирования и функционирования гендерной идентичности чеченцев (на примере трудовых отношений);

– исследовать характерные особенности гендерной самоидентификации личности в условиях социально-политического кризиса чеченского общества;

– раскрыть особенности условий «культурной травмы» и их влияния на процессы самоидентификации личности в современном чеченском обществе;

– изучить специфические для чеченского общества характеристики правовой культуры и ее отражение в гендерном самоопределении и самореализации чеченских женщин;

– провести эмпирическое исследование гендерного восприятия чеченцами-мигрантами иноэтничной среды;

– на основе анализа данных социологического исследования выявить гендерные аспекты определения идентификационных предпочтений и характеристики социального самочувствия чеченцев-мигрантов;

– представить гендерные особенности воспроизводства самоидентичности мигрантов из Чечни в южно-российских регионах.

Объект исследования – содержание и процессы гендерной самоидентификации личности в трансформирующемся обществе.

Предмет исследования – содержательные и процессуальные свойства и характеристики гендерной идентичности в их конкретной принадлежности обществу и личностям чеченского этноса, сущность гендерной самоидентификации как фактора социокультурного развития.

Теоретико-методологическую основу исследования составили общенаучные принципы теоретического и эмпирического познания социальной реальности, фундаментальные положения социальной философии, методологические положения, разработанные в классической социологии, социологии

модернизма и современной социологии: позитивизм, детерминизм, структурный и динамический функционализм, системный подход, институциональный подход, феноменология и этносоциология. Трактовка содержания социальных изменений в полоролевой структуре опирается на методологические идеи, сформировавшиеся в рамках философии жизни, гендерного и конструктивистского подходов. Принимая и активно используя эти познавательные принципы и положения в своей работе, автор диссертации признает определяющую роль в исследовании истории и современного состояния социальной реальности российского общества, теоретико-методологических достижений отечественной социологии и стремится полноценно использовать их эвристический потенциал.

Эмпирическую базу диссертации образуют, в первую очередь, результаты социологических исследований, проведенных с участием и под руководством соискателя. Сюда относится большой массив данных анкетного опроса чеченцев, проживающих на постоянной основе в Астраханской области, Краснодарском и Ставропольском краях (N=292), а также в Бельгии (N=75).

Автором используются эмпирические материалы социологического исследования уровня правовой культуры женщины и влияния на нее культурных и религиозных гендерных стереотипов опроса, проведенного им среди слушательниц, посещавших в течение десяти месяцев (с марта по декабрь 2009 г.) в Грозном занятия по правам человека (тренинги, семинары, лекции) (N=200). Это также материалы психологических консультаций, проводившихся с населением Чеченской республики с июня 2009 по июнь 2010 гг. при активном участии соискателя в качестве эксперта при Республиканской общественной организации «Женское достоинство». (N=425). К этому же разряду социальной информации относятся эмпирические результаты других социологических исследований, проведенных в Краснодарском крае, материалы социологических исследований по сходной проблематике, опросов, организованных в таких регионах Южного федерального округа, как Ростовская область, Ставропольский край, послужившие источником вторичного анализа.

Особую значимость для подготовки диссертационного исследования представили такие источники, как материалы государственной статистики в их федеральной и региональной систематизации, а также итоги и материалы переписей населения, статистические сведения текущего учета населения.

Чрезвычайно важным источником получения эмпирических данных является комплекс социальной информации, в который были включены законодательные и нормативно-правовые акты федеральных и региональных органов власти, целевые и экспериментальные программы федерального и регионального уровней.

Научная новизна исследования:

- выявлены содержательные и процессуальные характеристики гендерной идентичности как теоретической конструкции в системе гуманитарного и социального знания;
- показаны особенности и возможности институционального подхода в исследовании гендерной идентичности;
- определен методологический ресурс субъектного подхода в исследовании гендерной идентичности;
- выявлены и систематизированы процессуальные и структурные аспекты гендерной идентификации и самоидентификации личности;
- раскрыта роль традиционной культуры в формировании и воспроизводстве гендерной идентичности личности чеченцев;
- определена специфика влияния стереотипов на процессы конструирования и функционирования гендерной идентичности чеченцев (на примере трудовых отношений);
- показаны характерные особенности гендерной самоидентификации личности в условиях социально-политического кризиса чеченского общества;
- вскрыта специфика влияния условий «культурной травмы» на процессы самоидентификации личности в современном чеченском обществе;
- обосновано понимание особенностей правовой культуры и характера ее отражения в гендерном самоопределении и самореализации чеченских женщин;
- показаны и проанализированы эмпирические характеристики гендерного восприятия чеченцами-мигрантами иноэтничной среды в условиях Бельгии;
- выявлены гендерные аспекты в идентификационных предпочтениях и характеристиках социального самочувствия чеченцев-мигрантов;
- показаны гендерные особенности воспроизводства самоидентичности мигрантов из Чечни в южно-российских регионах.

Научная новизна исследования конкретизирована в следующих положениях, выносимых на защиту:

1. В научном осмыслении гендера установлен подход, в рамках которого особое значение придается гендерной характеристике социокультурных явлений и процессов, а в ряде случаев и специального выделения в качестве объекта рассуждения и исследования гендерной культуры. Для социологического исследования гендера особо значимым, а возможно, и наиболее существенным следует признать идентификационный аспект.

Авторский анализ исследований в избранной объектно-предметной ориентации позволяет сделать следующие выводы.

Понимание природы идентичности в меняющемся мире заключается в том, что личность – это не просто система введенных в нее конкретной культурой программ социального опыта. Социальные роли осваиваются на фоне предпочтения или избегания их самой личностью. Гендер – это социокультурный конструкт, процесс строительства которого происходит не только в результате межличностного взаимодействия, но и благодаря расширению своего внутреннего пространства Я.

Гендерная идентичность – это многообразие представленных идентификационных моделей, проявлений мужского и женского стилей и способов взаимодействия, создающих и воспроизводящих определенную культуру гендерных отношений в обществе.

2. По убеждению соискателя, институализация гендерной культуры является органической частью «культурной схемы», структурирующей не только индивидуальные цели, но и определяющей гендерные идентичности и «картины мира». В культуру органически вписан «гендерный образ» социальной реальности, который не сводим только лишь к «феминистской» и «патриархатной» картинам мира. Проведенный в диссертации анализ обнаруживает некоторую замкнутость и обособленность мужской и женской культур. Именно эти замкнутые культуры должны трансформироваться в гендерную культуру как социальный институт, который призван воспроизводить, конструировать новую социальную реальность.

Проблема формирования гендерной культуры, отраженная в конкретной социальной форме историчности, позволяет определить основную особенность институционального подхода, заключающегося в ориентации на анализ социальной действительности как диалектически противоречивого процесса субъектно-объектных и субъектно-субъектных отношений. На этой основе появляется возможность осмыслить и конкретизировать гендерную культуру как социальный институт с его реальными носителями, основными детерминантами и механизмами взаимодействия объективных и субъективных факторов. Тем самым создается перспектива для развернутой научно обоснованной характеристики функционирования и развития общества на конкретно-историческом этапе.

3. Субъектный подход в исследовании идентичности личности предполагает очерчивание индивидом своей границы компетенции, ответственности. Часто этот процесс сопровождается противоречивыми тенденциями. Механизм разрешения противоречий субъекта лежит в основе специфической социокультурной методологии общества. Развитие, усложнение межсубъектного (интерсубъектного) диалога обновляет культуру, формирует новых людей с обновленной идентичностью. В результате проведенного анали-

за диссертант приходит к заключению, что постструктуралистский взгляд на проблему обретения субъектом новой идентичности – есть поиски и осознание потребности «стать тем, кто ты есть». Новый ракурс теоретического видения представляется более эффективным средством решения проблемы адекватной гендерной идентичности человека и его самоидентификации.

4. Радикальные трансформации в ценностно-нормативных основаниях социальной реальности современного общества сопровождаются процессами глубоких изменений в гендерной идентификации и самоидентификации личности. Существующие неравенства между мужчинами и женщинами имеют тенденцию к сглаживанию различий по нескольким направлениям: 1) повышению уровня образования женщин; 2) расширению сферы профессиональной деятельности женщин; 3) возрастанию автономии женщин в супружеских отношениях; 4) переосмыслению гендерных ролевых конструктов традиционной культуры.

Подобное гендерное выравнивание оказало влияние на трансформации, подчас неожиданные, в сфере мужской идентичности. Если в XIX в. в европейском общественном сознании появился так называемый «женский вопрос», то теперь можно говорить о появлении особого «мужского вопроса».

Диссертант акцентирует внимание на безусловном значении социокультурных установок и существующих нормативных ценностей в личностном процессе гендерной идентификации. В процессе функционирования в обществе личность использует пути формальной и неформальной идентификации, каждая из которых выполняет своеобразную социальную функцию включения личности в формальные и неформальные общественные структуры.

5. Структурно-функциональная роль традиционной культуры в воспроизводстве гендерной идентичности является определяющей среди других социальных факторов (экономических, политических и т.д.), формирующих идентичность. Вместе с тем процессы демократизации и гуманизации общества детерминируют изменение нормативной социальной системы, что, в свою очередь, отражается на процессах производства и воспроизводства легитимных социальных моделей поведения и конструирования современных идентичностей. Демократизация общества, происходящая в условиях индивидуализации и плюрализации жизненных стилей, актуализирует появление современных гендерных норм, ведет к изменениям в доминирующих социокультурных паттернах, влияет на отношение традиционного общества к норме и отклонению от неё.

Исследование автором процессов конструирования гендерных норм позволяет объяснить механизмы и формы контроля повседневных практик гендерного поведения чеченцев в условиях трансформационных сдвигов в

социуме и создает возможность формирования оптимальных социальных условий для успешной интеграции личности в поликультурный мир, установления толерантных общественных отношений.

6. Авторский анализ гендерной идентичности через призму культурной травмы приводит к более широкой объяснительной модели: этническая идентичность – это не только культурная матрица обычаев и традиций, языка, фольклора, но и во многом осмысление собственного опыта существования в культуре, когда она подвержена давлению, притеснению со стороны другой культуры. Моральные гендерные стереотипы, функционируя в рамках определенной культуры, имеют тенденцию изменяться, если в самой культуре происходит ряд изменений.

Рассматривая войну как чрезвычайно сильный травмирующий фактор, диссертант доказывает, что несмотря на распространенную маркировку войны как маскулинного мира, женские роли на войне многообразны, и война также невозможна без символических женщин, как не существует она и без символических мужчин. По существующим типологиям женских ролей в культурных сценариях войны сконструировано несколько моделей:

Модель 1. Матери, жены, сестры, возлюбленные благословляют мужчин, легитимируя тем самым их участие в войне, хотя сами борются за мир.

Модель 2. Матери, жены, сестры выступают в качестве некой награды, которую получают настоящие мужчины. К герою возлюбленная благосклонна, память родных и близких находит отражение в песнях, сказаниях о его героизме и т.д.

Модель 3. Лучшие женщины любят тех, кто хорошо воюет, выдавая тем самым мужчинам своеобразный сертификат подлинной мужественности.

Модель 4. Напротив, женщины ставят под сомнение маскулинность тех мужчин, которые не принимают участия в войне или ведут себя недостойно.

Модус реагирования на культурную травму у женщин шире, чем у мужчин: она продолжает бороться за мир, одновременно поддерживая мужчину в войне.

7. Самоидентификация современного мужчины и женщины в чеченском обществе происходит через взаимодействие, с одной стороны, гендерных конструктов этнической культуры чеченцев, опирающихся на длительную социальную, религиозную, историческую и культурную традицию, и принципов эгалитаризма, основанных на демократических социальных институтах гражданского общества, – с другой.

Сохраняя свои традиционные роли и во многом считая их неотчуждаемыми, современная женщина активно примеряет маскулинно маркированную социокультурную территорию. Такое противоречивое начало отражается на ее самоидентификации, внося новые смыслы и установки в социокуль-

турную реальность. Формируется новый стиль отношений между полами, где мужчина также вынужден вписываться в меняющийся тип отношений и этим определять новые стратегии поведения.

Повышение правового самосознания женщины через осмысление взаимопересечений нормативных установок адатов, шариата и гражданского права, функционирующих в обществе, вынуждает актуализировать проблему ее социального пространства. Такое положение не может не отразиться на нормативно-ролевой природе межполовых отношений, определяя новую динамику социокультурного развития чеченского общества.

8. Характер восприятия мигрантами-чеченцами местного населения, стремление к сближению или дистанцированию, а в конечном счете, успешность адаптации к новым социальным условиям и эффективная интеграция в принимающее общество происходят как становление и развитие межэтнических отношений с присущими им особенностями социокультурных институциональных согласований и рассогласований. Залогом успешной адаптации для мигрантов служит образование в новой социальной среде устойчивых связей, систематических отношений с окружающими людьми.

В результате проведенного исследования установлено, что переселяющиеся в южно-российские регионы чеченцы сталкиваются в местах поселения с тревожно-напряженными ожиданиями местного населения в адрес прибывших на новое место. В их восприятии, наряду с признанием благосклонности местного населения к приезжим, высока доля тех, кто считает, что автохтонное население настороженно относится к переселенцам, и тех, кто чувствует наличие напряженности и угрозу конфликта. Положение в российских регионах очень контрастирует с тем, что демонстрируют данные опроса, проведенного в Бельгии, где элемент напряженности составляет весьма малую величину.

Уровень позитивного восприятия реальности у женщин гораздо выше, чем у мужчин. Респонденты-мужчины заметно чаще, чем женщины, указывают на наличие напряженности. Они же делают больший акцент на наличие конфликтов. Явно выражены региональные особенности ситуации взаимодействия мигрантов и местного населения.

9. Социальное положение, взаимодействие чеченских мигрантов и местного населения сопряжены с процессами освоения новой реальности, с необходимостью в той или иной степени трансформироваться, сохраняя черты этнической ментальности, идентификационное поведение. Как показывают материалы конкретно-социологического исследования, традиционализм не выступает для чеченцев-мигрантов тотально привлекательным способом поведения. В южно-российских регионах считают, что «необходимо вернуться к обычаям традиционной культуры» 56,0% респондентов-мужчин и 26,6% про-

живающих здесь женщин. Ядро идентификационного самоопределения чеченца-мигранта составляют несколько признаков: принадлежность к этногруппе («мы – люди своей национальности»); конфессиональная принадлежность («мы – люди своей веры»); территориальная принадлежность («мы из Чечни»). Российская гражданская принадлежность при конструировании общей самоидентичности личности чеченца не входит в ценностное ядро идентификационных предпочтений, а располагается на ее периферии.

Исследователем выявлен ярко выраженный этноцентричный характер самоидентичности чеченцев-мигрантов, проживающих в инациональной среде российских регионов и дальнего зарубежья. Это находит свое выражение в предпочитаемом выборе позиции «Я горжусь своей национальностью». По массиву опрошенных в южно-российских регионах этот индикатор отмечен в 82,5% ответов, в Бельгии – в 84,0% ответов.

Сопоставление гендерных особенностей самоидентификации выявляет, что респонденты-мужчины в большей степени тяготеют к этнической и территориально-этнической идентичности. В их самоидентификации более четко выражена политическая составляющая, рельефнее выражено предпочтение ценности успешности. Существенно меньше они привержены чувствам принадлежности к общероссийской гражданской общности людей; несколько реже, чем у женщин, происходит самоопределение по признаку единоверия. Для женщин явно более значима профессиональная принадлежность и гораздо большую ценность представляет принадлежность к общероссийской гражданской общности людей.

10. Воспроизводство самоидентичности у мигрантов – сложный процесс взаимодействия представителей разных этносов, в результате которого происходит формирование новой позитивной (сходной или общей с коренными жителями) социальной идентичности, адекватной изменившимся социальным условиям, а также процесс развития личностного потенциала мигрантов по мере их включения в различные виды деятельности (и прежде всего в трудовую деятельность), в систему межличностных отношений с местными жителями.

Большая часть чеченцев-мигрантов выражают мнение, что влияние новой среды на их привычную жизнь не создает существенных угроз для воспроизводства религиозных и культурных традиций. Вместе с тем определенная их часть, особенно женщины, испытывают потребность в модернизации своих семейных отношений, что свидетельствует о демократических изменениях в их сущности.

Апробация результатов диссертационного исследования. Результаты диссертационного исследования докладывались и обсуждались на Обще-

российской научно-практической конференции «Традиционная культура как действенное средство патриотического воспитания, формирование культуры межнационального общения и согласия в студенческой среде» (Пятигорск, 24–25 мая 2003 г.), Региональной научно-практической конференции «Восстановление Чечено-Ингушской АССР – решающий фактор реабилитации чеченского народа» (г. Грозный, 22–23 февраля 2007 г.), IV Международной научной конференции «Россия и Восток: проблема толерантности в диалоге цивилизаций» (г. Астрахань, 3–6 мая 2007 г.), V Международного конгресса «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру» (г. Пятигорск, 8–12 октября 2007 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Патриотизм и интернационализм как источник победы советского народа в годы Великой Отечественной войны» (Майкоп, 27–29 ноября 2008 г.), Межрегиональной научно-практической конференции «Диалог культур в изменяющейся России: исторический опыт региона и социокультурная реальность» (г. Ставрополь, 24–25 апреля 2008 г.), Региональной научной конференции «Гендер-этнические отношения: теоретический и практический аспекты» (Махачкала, 23–24 марта 2008 г.), Международной научной конференции «XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего» (г. Пенза, 16–18 ноября 2008 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Историко-культурное и природное наследие Юга России: состояние и перспективы сохранения и развития» (г. Грозный, 25–26 июня 2009 г.), Международной конференции «Мужское и мужественное в современной культуре» (Санкт-Петербург, 4–6 марта 2009 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Наука, образование, инновации» (Грозный, 26–27 ноября 2011 г.).

По материалам диссертационного исследования опубликовано 38 научных работ общим объемом 47,8 п.л.; из них 2 монографии объемом 26,6 п.л.; 10 работ объемом 5 п.л., опубликованных в изданиях, включенных в Перечень ВАК Минобрнауки РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, содержащих двенадцать параграфов, заключения, библиографии, приложений. Общий объем работы составляет 324 страницы машинописного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается выбор и актуальность темы, показывает степень ее разработанности, определяются цель, задачи, объект, предмет исследования, раскрываются методологические основы, показываются методы и эмпирическая база исследования, описывается научная новизна, формулируются положения, выносимые на защиту, указывается теоретическая и практическая значимость диссертации, приводятся сведения об апробации.

Первая глава – «Теоретико-методологические основания исследования гендерной идентификации и самоидентификации».

В первом параграфе первой главы «Гендерная идентичность как теоретическая конструкция в системе гуманитарного и социального знания» автор обозначает основные направления своего исследовательского поиска в обширном междисциплинарном пространстве (философия, психология, социология) и сосредоточивает внимание на социологической проработке общетеоретического содержания и инструментальных функций категорий «идентичность», «самоидентичность», «гендерная идентичность». Отмечается, что в социологии проблематика идентификации рассматривается в теориях социализации и в статусно-ролевых концепциях личности в контекстах соотношения предписываемой социальным статусом нормативной роли ее ролевому исполнению. Социализация при этом понимается как усвоение ролевого репертуара и освоение ролевого опыта. Тем самым, по мнению исследователей, идентичность уравнивается с удачно «играемой» ролью, а перидентификация трактуется как смена ролей или обмен ролями, как разные формы идентичности из определенного «набранного» набора, что вызывает ролевой конфликт, который понимается как кризис идентичности.

Центром активности индивида, производящего самоидентификацию, является «Я». Говоря «Я», индивид в это местоимение вкладывает смысл, отражающий совокупность знаний о себе как единичном и отличном от других человеческих индивидов. Эти знания опосредованы временем и формируются не только ретроспективно, но и перспективно. Идентичность индивида определяется его прошлым опытом, нынешней реальностью и его устремленностью в будущее. Основные черты самоидентификации: 1) процессуальность; 2) открытость миру; 3) язык.

Еще одна из характеристик самоидентификации, по нашему мнению, это то, от чего зависят временные границы возрастных этапов, место индивида в мире, условия языкового функционирования. Эта характеристика непосредственно указывает на социальную детерминированность всех остальных черт самоидентификации. Этим неотъемлемым компонентом самоидентификации является пол индивида.

Развитие и осмысление гендерной теории как методологии социального исследования происходит на основе социальных концепций, возникших в XX веке и оформившихся в нескольких основных подходах: теории социальной конструкции гендера; теории гендерной системы, где гендер выступает в роли стратификационной категории; теории гендера в его культурологической интерпретации.

С позиций теорий социального конструирования пола гендер понимается как организованная (конструируемая) модель социальных отношений между мужчинами и женщинами, включающая не только межличностные

взаимоотношения их между собой, но и определяющая характер их социальных отношений в основных институтах общества.

Методологически важным, по мнению автора, является понимание того, что гендер – это система межличностного взаимодействия, посредством которого создается, утверждается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском начале как базовых категориях социального порядка. Гендер не есть раз и навсегда достигаемый статус. Гендерный выбор и гендерная принадлежность требуют постоянного исполнения и подтверждения, постоянного произведения и воспроизведения в каждодневных коммуникативных ситуациях. Гендерная идентичность и самоидентичность создаются и поддерживаются регулятивными практиками определения и реализации гендерного поведения, взаимодействий и отношений, обусловленных конкретной социокультурной реальностью.

Во втором параграфе первой главы «Институциональный подход в исследовании гендерной идентичности» рассматриваются основные теоретические концепции институциональной теории и неинституционального подхода, образующих основное дискурсивное поле, в котором идет поиск ответов на вопросы о сущности институтов, их роли и функциях в общественной жизни.

Соискатель акцентирует внимание на трактовке социальных институтов как ценностно-нормативных, социально-структурных комплексов, создающих условия и регулирующих практики социально-статусного и социально-ролевого взаимодействия при удовлетворении разнообразных потребностей.

Для продуктивного использования в качестве исследовательской методологии гендерного дискурса, по мнению диссертанта, необходимо глубокое теоретическое осмысление сложившейся в России гендерной культуры с позиций исторического существования и условий актуального воспроизводства ее определенными социальными институтами.³ В диссертации соискатель опирается на существующий опыт исследований феноменологии, её исторических традиций, биографической реконструкции построения гендерной идентичности в патриархатной и феминистской картинах мира в структуре современного массового сознания. Автор также учитывает гендерную специфику образов права, гендерных представлений и стереотипов, существующих в сознании и конструируемых средствами массовой информации.

Социальные трансформации, затронувшие все структуры российского общества, по-новому обозначили противоречивое положение женщин и мужчин в межличностной и институциональной сфере, выявив тем самым проблему регуляции гендерных отношений. При характеристике гендерных отношений в современной России отмечается, что их особенностью является обострение противоречия: «модернизация сверху», подрывая основы усто-

³ Женщина. Гендер. Культура. – М., 1999. – С. 184.

явшегося образа жизни людей, рождает своеобразную форму сосуществования модернизированных и архаических социальных отношений. Так например, традиционная семья, где активным, ведущим, главенствующим началом считался мужчина, существовала столетия и реализовывала потребность обществ в развитии, сочетая в себе устойчивость (традиции) и изменчивость (прогресс). Но XX век принес кардинальные изменения, и патриархатная семейная модель начинает меняться, меняя и традиционные воззрения на семью, на распределение ролей и утверждение гендерного равноправия в семье.

В сложившихся противоречивых условиях перестроечного пореформенного периода, когда семья подверглась прессингу рыночных реформ, произошло значительное увеличение числа разводов, внебрачных сексуальных контактов, снижение уровня рождаемости. Такая ситуация часто стала оцениваться как кризис института семьи не только на обыденном уровне, но и отчасти научным сознанием. Подобная трактовка положения и состояния семьи представляется несколько однобокой. На наш взгляд, в сложных условиях рыночной экономики наметилось раскрытие нового ресурса семьи, свидетельствующего о ее жизнеспособности как социального института.

В параграфе также рассматривается проблема полового (или гендерного) разделения труда, под которым понимается распределение занятий между женщинами и мужчинами, базирующееся на традициях и обычаях, формально или неформально закрепленных в практике и сознании людей, то есть институционализированных. Применительно к сфере занятости дискриминация по половому признаку означает, что к отдельным работникам, обладающим одинаковыми характеристиками по признаку производительности, относятся по-разному из-за того, что они представляют разные социально-демографические группы.

Результаты, полученные в ходе многочисленных социологических исследований в России, подтверждают наметившийся рост доли женщин-предпринимателей в общей численности предпринимательского слоя. Однако, несмотря на позитивные тенденции, женское предпринимательство продолжает сталкиваться с определенными трудностями, часть которых связана с социально-экономическими факторами, а часть — с феноменом культурной инерции, сохраняющей патриархальные стереотипы. Складывается парадоксальная ситуация: с одной стороны, подавляющая часть женщин не желает исполнять роль исключительно «профессиональной домохозяйки, воспитателя в семье» и нигде не работать (особенно категорическую позицию занимают те, кто имеет высшее или среднее специальное образование); с другой стороны, карьера занимает у россиянок лишь пятую позицию в шкале представлений о счастье.

Новая историческая ситуация в труде и жизни женщин может быть понята не как отрицание гендерной роли, но как её изменение, достигнутое в ходе приспособления к новым социальным реалиям. В процессе гендерной трансформации происходит сложный процесс индивидуализации и мужчины,

и женщины в контексте преломления установок традиционной культуры к условиям меняющейся реальности.

В третьем параграфе первой главы «Субъектный подход в исследовании гендерной идентичности» автор показывает, что определяющей тенденцией в формировании субъектного подхода в гендерных исследованиях было влияние постструктурализма на феминистское движение. Смена акцентов в переходе от феминистского движения к гендерным исследованиям заключалась в понимании субъекта как личности децентрированной, фрагментарной и противоречивой, в противоположность гуманистическому пониманию субъекта как единого и рационального, характерного для традиции классической философии.

Методологической основой субъективного подхода, используемого в диссертационном исследовании, является эссенциалистский метод, в рамках которого постулируются бинарные оппозиции мужской и женской субъективности. Методологически важно также и то, что с позиций этого подхода исследуется субъективность как таковая (а не только женская субъективность), которая конструируется, производится культурой, а «сырьем» для такого конструирования являются тело, желание, власть и сексуальность.

Крупнейшим теоретиком этого направления является Д. Батлер, которая утверждает, что не существует области «специфически» женского, отличного от мужского. Сомнение в существовании «специфически женского» актуализирует, в свою очередь, проблему понимания человеческой телесности, поскольку именно тело женщины и его репродуктивные особенности обозначаются в первую очередь в качестве «универсальных» оснований ее жизненного опыта. Ее «друговость», «специфичность» рассматриваются как продукт культуры, идеологии и морали.

Другой известный теоретик гендерных исследований Р. Брайдотти обращает внимание на то, что ориентация на отличие, которое воплощают собой женщины, обеспечивает позитивные основания для пересмотра субъективности женщины, в результате которого они предстанут во всей своей сложности. При выработке позиций «женского субъекта» стало ясно, что женщины могут находиться в одинаковом положении и иметь общий опыт, но они не являются одинаковыми. Этот тезис может служить отправной точкой к проблеме осознания индивидом своей уникальности и неповторимости, необходимости сохранения себя в этой неповторимости с целью не потерять связи с реальным миром. Утрата субъектом своей легитимности, своей социальной реальности – это общая канва мысли в теории перформативности пола.

Трансформация идентичности в современных условиях, как считает Э. Гидденс, может быть понятной только в терминах конструирования «Я-самости» в качестве рефлексивного проекта. Этот рефлексивный проект «Я» состоит в том, что индивид должен отдавать предпочтение своей идентично-

сти среди стратегий и выборов, предлагаемых как абстрактными системами, так и на основе личного опыта.

Если в традиционном обществе личностная самоидентичность складывалась из набора последовательно сменяющих друг друга психовозрастных характеристик, обладавших четкими социальными маркерами (типа обрезания у евреев и мусульман), то современный индивид вынужден использовать все прежние образы своего «Я» как конструирующие элементы самоидентичности в изменчивом социальном контексте.

Вторая глава – «Социокультурные особенности и институциональные механизмы гендерной самоидентификации личности чеченцев».

В первом параграфе «Процессуальные и структурные аспекты гендерной идентификации и самоидентификации личности» раскрываются общие теоретические подходы к исследованию процессов гендерной идентификации и самоидентификации личности в ее временных срезах (детство, юность, зрелость и пожилой возраст). Каждый из этих этапов имеет свои особенности самоидентификации. Однако они, несмотря на индивидуальные вариации, в своем сущностном содержании объективны и закономерны.

Процессуальность гендерной идентификации неразрывно связана с социализацией индивида в обществе. Автор считает непродуктивной абсолютизацию одного из видов социализационных процессов и предлагает рассматривать их влияние на формирование гендерной идентичности по принципу взаимодополняемости. Диссертант разделяет теорию социального обучения, учитывающую все виды трансляции гендерных моделей. В рамках каждого пола личности весьма отличаются друг от друга с точки зрения того, насколько точно они соответствуют стереотипам или социальным предписаниям для своего гендера. Гендерное поведение контекстуально, ситуативно, оно, «подобно хамелеону», легко поддается модификациям и изменениям, различается в зависимости от включенности в ту или иную культуру и субкультуру. Оно «релевантно» в широком смысле и универсально для разных культур. Многие кажущиеся бесспорными поведенческие различия между мужчинами и женщинами на самом деле обусловлены конкретно-групповой и ситуативной реализацией этого поведения.

Гендерная идентичность не есть застывшая раз и навсегда данность. Ее процессуальность находит свое выражение в изменчивости форм и содержания. При этом замечено, что женщины в условиях социальных трансформаций более активно демонстрируют новые формы гендерного поведения. Это проявляется не столько в гендерной атрибутике, сколько в конструировании изменившихся новых форм гендерного взаимодействия. Такой подход позволяет автору в ином ракурсе определить роль социокультурных трансформаций, определяющих динамику структурирования и функционирования личности в становлении ее половой самоидентификации. Мы можем констатировать, что

трансформация традиционных мужских и женских идентичностей и канонов – общее неумолимое требование времени. Каноны маскулинности и фемининности взаимосвязаны, представления о жизни и образах меняются и обновляются, женские суждения о мужчинах и представления мужчин о самих себе и наоборот часто не совпадают. При этом одни склонны преувеличивать, а другие преуменьшать масштабы происходящих перемен. Эта трансформация имеет объективные границы, обусловленные, с одной стороны, рамками полового диморфизма, а с другой, – индивидуально-типологическими различиями.

Во втором параграфе второй главы «Роль традиционной культуры в формировании и воспроизводстве гендерной идентичности личности чеченцев» автор указывает на специфический характер этнокультурной ситуации в чеченском обществе в его историческом и современном существовании. Диссертант считает, что в культуре можно наблюдать два процесса, идущих одновременно: с одной стороны, в общеисторическом масштабе происходит поступательное движение от табу к заменяющим их более творческим нормам; с другой стороны, та норма, которая становится общепринятой, постепенно преобразуется в привычный моральный «автоматизм», в этикетный шаблон, в процедуру обычая. Нравственное сознание освобождается от уже бесспорных, не вызывающих разногласий проблем, переводя их на уровень подсознательных и интуитивно-чувственных стереотипов поведения. Оно принимается за решение новых проблем, утверждение, закрепление новых нормативов. Эти процессы способствуют появлению и сохранению социального знания и позволяют появиться новым представлениям, более адекватным сложившейся ситуации.

В параграфе обосновывается положение, согласно которому социальным институтом конструирования, укрепления и воспроизводства гендерных идентичностей является традиционная культура, включающая традиции, обычаи, нормы морали, этикет, стереотипы поведения. Эти культурные образцы детерминированы половой принадлежностью индивида, и, исходя из этого, общество санкционирует определенный тип поведения, жестко дифференцируя половую идентичность, предъявляя требования и установки, принятые в конкретном обществе.

Учитывая структурообразующую роль традиций в культуре этноса, мы считаем важным остановиться на их связи с проблемой инноваций, ибо субъективное восприятие обновляющей реальности вносит коррективы в устоявшиеся культурные символы. Налицо столкновение старого и нового как диалектической целостности единого исторического процесса.

В отечественной науке сформировались два подхода к проблеме соотношения старого и нового, взаимосвязи традиций и новаторства. Первый подход представляет традицию как механизм воспроизводства социальных институтов и норм, при котором поддержание последних обосновывается,

узаконивается самим фактом их существования в прошлом. Традиция понимается как копирование сложившегося опыта человеческой деятельности. Возникновение инноваций рассматривается как результат сбоя в механизме традиции, и поэтому любое новшество оценивается как отклонение в контексте этнической идентичности.

Смена гендерных статусно-ролевых функций – процесс сложный, неоднозначный. С одной стороны, культурные стереотипы поведения на уровне индивидуального сознания порождают способность к повторению, воспроизведению и констатации того, что общественное сознание «передает» индивиду как некие нормы, правила, а с другой стороны, поведенческие установки культуры незеркально отражаются и усваиваются. Система социальных норм наследования архаичных форм опиралась на практику коллективного опыта, сфокусированного в традициях, которые формулировались как мудрость предков или как родовая установка (например, адаты у чеченцев). Смысл социализации в традиционном обществе сводился к интеграции индивидов в незыблемый социальный порядок с присущей ему системой социальных ценностей и такими общественными институтами, как семья и род.

Фактором современной жизни является глобализация, определяющая универсальное распространение однородных культурных образцов, создание единой глобальной системы ориентации общественной жизни. Этому общему направлению противостоит встречный процесс культурной локализации, нередко возрождающий в общественном сознании и социальной практике традиционные, а то и архаичные социальные конструкции, в том числе и в сфере гендерных отношений.

Структурообразующим ядром любой культуры является идеология. Идеология в системе культуры не только предлагает концепцию внешнего мира в его властных установках: она также формирует самого субъекта, вписывая его в эту картину мира. Основной целью любой идеологии всегда было конституирование индивидов в воображаемые «субъекты», чтобы обеспечить их действительное подчинение социальному порядку, отводя им роль либо слепых его сторонников, либо жертв⁴.

Доминирование ценностей традиционной культуры – характерная особенность нынешнего чеченского общества. Важнейшим социальным институтом в рамках исторически сложившейся традиционной культуры у чеченцев выступали адаты, регулировавшие внутриродовые отношения. В органичном переплетении с нормами шариата они представляли незыблемый свод законов и норм устного права в чеченском обществе. Наличие фактически двух законодательных систем: адатов (обычаев народа) и шариата (законов Корана) – накладывает своеобразие и специфичность в функционирова-

⁴ Левикова С.И. Две модели динамики ценностей культуры (на примере молодежной субкультуры) // Вопросы философии. – 2006. – №4. – С. 72.

ние традиционной культуры этноса, формирует этническую идеологию, оформляет гендерное самосознание индивида в рамках социокультурной системы.

В третьем параграфе второй главы «Влияние стереотипов на процессы конструирования и функционирования гендерной идентичности чеченцев (на примере трудовых отношений)» реализуется научная логика рассмотрения содержания: от теории – к анализу эмпирического материала.

Соискатель, опираясь на методологические основы изучения роли гендерных стереотипов в конструировании идентичности личности, разработанные в трудах А. Альчука, О.А. Ворониной, И.В. Грошева, Н.Ю. Каменской, И.С. Клециной, И.С. Кона, Е.В. Машковой, В.В. Сокольской, М.В. Томской, Т.Е. Рябовой, В.А. Ядова и др., рассмотревших гендерные стереотипы как универсальные механизмы воспроизводства гендерных практик в российском обществе и специфику их функционирования в обновляющейся реальности, пришел к выводу, что важным моментом в понимании сущности гендерного стереотипа является его соотнесение со свойствами стереотипов социальных. Гендерный дискурс как система репрезентаций, переплетаясь с другими видами дискурса (этническим, религиозным, производственным, культурным), ставит свои акценты, например, в изучении острых социальных проблем⁵.

Гендерный стереотип, по мнению автора, испытывает влияние социальных стереотипов и базируется на приведённых ниже характеристиках.

Во-первых, гендерные стереотипы носят эмоционально-оценочный характер. Оценка зафиксирована в любом гендерном стереотипе: женская слабость и мужская отвага, женская чувствительность и мужское самообладание и т.д. Во-вторых, гендерные стереотипы устойчивы и стабильны, но все же подвергаются изменению по мере того, как изменяются социальные представления и нормы. Иллюстрация тому – изменившаяся роль женщины на производстве и обществе в течение XX века. В-третьих, гендерным стереотипам свойственна высокая степень единства представлений. В-четвертых, гендерные стереотипы – нормативны.

Проблема гендерного положения и гендерных отношений в сфере трудовой занятости – одна из актуальных в современном научном дискурсе и разнообразных практиках. За последнее десятилетие в России основными факторами изменения параметров занятости в целом и женской занятости в частности стали:

- отсутствие целостной государственной политики в отношении положения женщин на рынке труда и, как следствие, стихийное регулирование процессов трансформации женской занятости;
- формирование правового нигилизма в стране и, в частности, повсе-

⁵ Женщина и терроризм // Кавказия. – 2006. – № 4.

местное невыполнение трудового законодательства со стороны субъектов трудовых отношений, в том числе и государства;

– беспрецедентный рост теневой экономики в стране.

Все названные характеристики нашли свое специфическое выражение в Чеченской республике и обусловлены такими взаимозависимыми друг от друга обстоятельствами, как последствия социально-политического кризиса, отразившиеся на инфраструктуре региона, сложное экономическое положение населения, сопряженное с высоким уровнем безработицы. Перечисленные факторы способствуют сохранению социальной напряженности в обществе.

С позиций гендерного подхода соискателем рассмотрены социальные процессы в сфере трудовой занятости в Чеченской республике. Целью анализа стала гендерная асимметрия, исследование тенденций направления этого процесса, выяснение, насколько процесс усиления или ослабления преобразования соотношения статусов женщин и мужчин, возросло или уменьшилось равенство возможностей для этих страт, увеличивается или уменьшается потенциал гендерной асимметрии.

Автор проанализировала уровень занятости мужской и женской рабочей силы в перераспределительных процессах на рынке труда в Чеченской республике и представила влияние гендерных стереотипов на данный процесс. Параметры гендерной асимметрии, выявленные соискателем на конкретных материалах среди официально зарегистрированных безработных, свидетельствуют прежде всего о том, что женщины, потеряв работу, чаще вынуждены обращаться в службы занятости, не надеясь на собственные возможности и силы. Сопоставительный анализ, проведенный автором, раскрывает ситуацию с занятостью женщин в Чеченской республике, которую можно охарактеризовать следующим образом. В 2010 г. уровень экономической активности женщин в трудоспособном возрасте в целом по РФ составил 62,7%, а уровень занятости 57,8%, среди мужчин соответственно 73,5% и 66,9%.

По ЮФО средний уровень занятости среди женщин составлял 52,3%, среди мужчин – 63,5%. По субъектам ЮФО самый высокий показатель занятости наблюдался в Астраханской области: у женщин – 55,4%, у мужчин – 67,2%. По Чеченской республике эти показатели самые низкие: среди женщин уровень занятости 38,1%, среди мужчин 50,3%⁶.

Исследование ситуации в регионе свидетельствует о том, что дефицит рабочих мест, вызванный многими факторами пореформенного периода, характерными в целом для страны, усугубился крайне обостренным политическим положением в Чеченской республике в 1990-х гг. Другой причиной гендерного дисбаланса на рынке труда, по убеждению автора, является роль гендерных стереотипов в общественном сознании.

⁶ Женщины и мужчины России. – М., 2010. – С. 116.

Широкое распространение получила идеология «естественного предназначения» женщины. Однако такая «реконструкция» архаики происходит непрямолинейно. Возникает источник дополнительного социального напряжения, социальной «нестыковки», когда декларируемые новые возможности реализации своего профессионального и образовательного потенциала у женщин приходят в противоречие с реалиями их осуществления, где женщине практически всегда отводится роль вedomой, подчиненной, слабой, недостаточно квалифицированной.

Третья глава – «Трансформации в гендерной самоидентификации личности чеченцев в условиях институциональных изменений российского общества».

В первом параграфе третьей главы «Особенности гендерной самоидентификации личности в условиях социально-политического кризиса чеченского общества» автор исходит из тезиса о том, что комплексное исследование изменений в ролевых гендерных практиках в условиях социально-политического кризиса предполагает не только анализ взаимоотношения полов через властные институты, нормативные концепции, культурные символы. В рамках данного параграфа рассматривается влияние социальной и политической нестабильности чеченского общества последних 20-ти лет на процессы изменений в структурно-ролевом поведении мужчины и женщины в семье как важнейшем механизме социальной наследственности.

Главным определяющим критерием дифференциации ролевой структуры в чеченской семье являлось: кормилец семьи – мужчина, воспитанием детей и домом занимается женщина. Социальная роль и значение профессионального роста для мужчины имеет приоритетное значение. Профессиональная деятельность женщины допускается, но как нечто второстепенное по отношению к семье, воспитанию детей, уходу за домом, то есть только в той степени, которая не мешает основному предназначению женщины и соответствует нормам и моделям поведения, социально ожидаемым обществом.

В силу этих причин высокий профессиональный уровень, карьерный рост, социальные притязания женщин чеченского общества оказывают влияние на их брачные возможности. Объяснительная модель данной ситуации имеет несколько измерений: от различных вариаций мужских предпочтений уровня образования будущей жены до более или менее ярко выраженных ожиданий и притязаний самой женщины.

Даже учитывая объективный процесс перехода семьи от традиционной к эгалитарной, современная чеченская семья имеет особенности, обусловленные гендерной самоидентификацией мужчины и женщины в социокультурной системе традиций, обычаев, предполагающие четко очерченные социально-пространственные границы компетенции полов. Семья как процес-

суальный механизм отражения самого широкого спектра социальных поведенческих характеристик мужчины и женщины в чеченском обществе испытывает трансформационные изменения. Но изменения весьма опосредованы и не столь прямолинейны.

Вопрос о том, приводит ли женская занятость к эгалитарной модели властных отношений в современных чеченских семьях, остается открытым. С этой целью автором был проведен опрос 150 студентов Чеченского педагогического института: 105-ти девушек и 45-ти юношей. При опросе каждый третий респондент, где работала в семье одна мать, ответил, что принятие основных решений в семье принадлежит отцу. Большая часть (57%) респондентов, где кормильцем является только мать, не подтверждает участия отца в ведении хозяйства и воспитании детей. Этим занимаются другие члены семьи, но не отец. Существующий ряд обстоятельств определяет проблему ролевой структуры чеченской семьи, особенно актуальной в рамках смены нормативно-ролевых предпочтений: если женщина взяла на себя роль мужчины-кормильца семьи, то ее роль воспитателя не заменена женщиной, следовательно, мужчина свои функции «уступил» женщине, сохранив за ней ее «женские» роли. При этом статус «главы семьи», по результатам опроса, отец сохраняет.

Так, на вопрос: «Кто из родителей, по-вашему, влияет на принятие решений в семье?» – «отец» – ответили 49,3% опрошенных, «мать» – 17,3%, «оба родителя» – 13,2%, «другие члены семьи» – 10,2%. Воспитательные функции сохраняются, по оценкам респондентов, за матерью даже при условии, что она является основным кормильцем семьи.

Противоречивый характер гендерной ментальности и гендерной реальности продолжает нести в себе ментальную доминанту иерархических ролевых установок патриархатной культуры. Выражаются они в следующих психологических особенностях: гендерный стереотип, согласно которому мужчина – защитник и кормилец семьи, по многим объективным и субъективным причинам часто может оставаться нереализованным.

Женщина по природе часто готова занять мужские социальные роли, если не смогла реализовать себя в своей гендерной природе (иметь семью, детей и т.д.), мужчина практически не может свою роль поменять на женскую: она социально, психологически для него ущербна. Общество от него ждет «мужских» поступков, которые уже по природе более значимы и выше оцениваемы обществом, чем женские.

Таким образом, культурный символизм, заключенный в установке на то, что для мужчины «женская роль» социально порицаема и унизительна, а для женщины «мужская роль» одобряема (например: она может кормить семью, он не может заниматься домашней уборкой), подтверждает дискурсивный абсолют мужской роли, детерминированный сложившимися и достаточно статичными для чеченского социума общественными отношениями.

Параграф второй третьей главы «Гендерная самоидентификация личности и проблема «культурной травмы» в современном чеченском обществе» посвящен изучению изменений в идентификационных процессах и самоидентичности, происходящих под влиянием комплекса факторов, объединяемых в социологической теории понятием «культурная травма».

Теория «культурной травмы» начинает выделяться в отдельную область исследования в XX в. под влиянием военных столкновений агрессивного характера (война США во Вьетнаме и Корее, депортация и геноцид целых народов в годы Великой Отечественной войны, ввод войск Советского Союза в Афганистан). В конце XX в. эта цепочка травмирующих событий продолжилась локальными конфликтами на Северном Кавказе и социально-политическим кризисом между Федеральным центром и Чеченской республикой, превратившимися в две военные кампании. Крупные социальные трансформации, сопровождавшиеся явными или латентными поспорианиями национальной идентичности одних народов другими, привели к возникновению новой парадигмы – рассмотрению этих процессов через призму психологического термина «травма». В теории культурной травмы находит отражение уязвимость коллективных идентичностей, их саморефлексия, усиливающаяся в условиях глобализации. Именно интеграция культур актуализирует проблему принятия «чужого» через призму «своего». В этом контексте растет гендерное напряжение в обществе.

Диссертант солидаризируется с исследователями, которые констатируют взаимосвязь между актуализацией негативных проявлений в поведении и психологическим переживанием индивида. При этом мы уточняем, что в ситуациях экономической нестабильности и общественного напряжения негативные женские образы подпитывались вовсе не массовостью девиантного поведения женщин, которое могло бы создать реальную угрозу традиционным патриархальным традиционным структурам и символам поведения. Стрессовые состояния обостряют ощущение вызова, многократно усиливают опасения «сильной половины» в отношении возможных покушений на свое доминирующее положение в семье и в обществе⁷.

Соискатель связывает теорию культурной травмы с анализом изменений в гендерной идентичности чеченцев, происходящих в условиях и под влиянием военных событий 1990-х гг. – начала XXI в. на территории Чечни. Идентификация мужественности с участием в войне – один из основных рычагов психологического и пропагандистского давления, активно использованный идеологами «суверенитета» в военном конфликте на территории Чеченской республики. Скрытая логика, лежащая тогда в основе военной пропаганды, может быть представлена в виде следующего идеологического призыва: если ты настоящий мужчина, то ты должен взять в руки оружие и за-

⁷ Воронина О.А., Клименкова Т.А. Гендер и культура. М., 1996. – С. 81.

щитить свой дом, семью, мать, сестер, детей. «Маскулинность и мужество» – это первый сюжет мобилизационного ресурса пропаганды: «Если ты не пошел на войну, ты не можешь называться мужчиной». Такие символы, как воинское братство, сестра, скорбящая по безвременно погибшему брату на поле брани, возлюбленная, ожидающая своего героя с войны, и т.д. широко представлены в героико-эпических произведениях чеченцев «Илли»⁸.

В культуре чеченского этноса культивируются соответствующие символические образы: мужчина-воин, герой; женщина скромна, чиста, послушна. Когда этот образ начинает разрушаться посредством столкновения с изменяющейся реальностью (это могут быть социальные, политические, экономические трансформации), субъект начинает позиционировать себя с носителем этих трансформаций, и в этих условиях разрушается устоявшаяся этнокультурная идентичность индивида. Так, 22,5% мужчин, обратившихся за психологической консультацией, основной своей проблемой признавали, что они не чувствуют себя мужчинами: «не смог защитить детей от войны, а сейчас не способен их прокормить из-за отсутствия работы». Роль сильного защитника, кормильца, а значит, главы семьи, абсолютно доминирующий образ в мужской самоидентификации чеченского мужчины трансформирован по причине психологической травмы, т.е. травмирован, его самоидентификация размыта. Он испытывает чувство психологического дискомфорта и в процессе рефлексии видит источник зла в трансформации социально-психологических структур общества. Его агрессия часто направлена на женщину, которой сегодня приходится «играть его роль». Так, 21,2% женщин среди клиентов психологической службы признали, что испытывают унижения, оскорбления и вынуждены терпеть даже откровенное насилие со стороны мужа, хотя экономически она обеспечивает семью, но и уйти от него не может. Причины терпения самые разные: от боязни потерять детей – до осуждения родных и близких. Причиной всех своих бед прямо или косвенно женщины считают военные события и тот хаос, который поселился в семьях: мужчина не работает из-за разрушенной инфраструктуры республики, нет жилья по той же причине. В процессе интеграции культур, их «травмированности» друг другом по-новому разворачивается модус гендерной идентичности: с одной стороны, он приобретает форму гендерной конфликтности, с другой, – может служить условием социокультурного развития.

В третьем параграфе третьей главы «Правовая культура чеченских женщин как институциональный фактор гендерного самоопределения и самореализации» автор на основе анализа показывает, что проблема правовой культуры как одного из факторов самоидентификации личности в условиях трансформации социальных и политических структур российско-

⁸ Илли. Героико-эпические произведения вайнахов. – Грозный. 1978.

го общества последних десятилетий выделилась в актуальную область общественного знания.

Социально-политический кризис российского общества в целом и чеченского общества в частности обусловил на индивидуальном уровне личности низкий показатель правовой культуры, особенно у такого социального слоя, как женщины. Отсутствие знаний о своих гражданских правах часто лишает женщин защитных юридических ресурсов, что неизменно ведет к углублению социального напряжения и конфликтных ситуаций, особенно обостряющихся в ситуациях политического кризиса в обществе.

В истории исследований правовых аспектов гендерных отношений выделяются две центральные темы: тема правовой защиты власти мужчины и его очевидного правового превосходства над женским полом и тема гендерного правового равенства. Анализ правовой культуры женщин как фактора гендерного самоопределения проводится соискателем через призму основных положений гендерной социологии таких формирующих теоретические принципы реалистического, гуманистического направления феминизма, защищающего жизненно важные права и интересы женщин, как: а) принцип приоритета социальных интересов женщин; б) принцип критического отношения к фактам дискриминации по половому признаку, к насилию в отношении женщин, какими бы правовыми нормами, традициями и религиозными догмами они не прикрывались; в) принцип преодоления препятствий на пути консолидации женщин и женских движений в борьбе за свои интересы.

Актуальным условием формирования гражданского правового сознания в чеченском обществе, наряду с другими факторами, является правовая защищенность женщин. Как необходимое условие таковой на передний план выходит задача повышения их правовой культуры. Наряду с известными сложностями, реализация данной проблемы связана со специфическими, региональными особенностями. Суть этих особенностей сводится к следующему: с одной стороны, Чеченская республика – это субъект Российской Федерации и на ее территории применяется нормативно-правовая система законодательной базы страны; с другой, – чеченское общество сегодня представляет социум, в котором происходят процессы возрождения этнического самосознания в рамках традиционной культуры. Здесь, наряду с действующими легитимными правовыми институтами федерального законодательства, сосуществуют правовые морально-нравственные установки традиционной культуры чеченцев в виде адатов (устного права) и исламского религиозно-правового института в лице Муфтията.

С целью определения состояния правовой культуры женщин-чеченок автором был проведен опрос слушательниц, посещавших в течение десяти месяцев (с марта по декабрь 2009 г.) занятия по правам человека (тренинги, семинары, лекции), организованные Республиканской благотворительной

общественной организацией «Женское достоинство», функционирующей на территории республики с 2001 года⁹, в которых приняла участие автор настоящей диссертации. Социологическое исследование уровня правовой культуры женщины и влияния на нее культурных и религиозных гендерных стереотипов было призвано выявить восприятие отдельных противоречий, конфликтов идентичностей в условиях существующего, очень своеобразного «коктейльного» правового поля.

Судя по полученным в проведенном опросе данным, в чеченском обществе среди молодежи распространено приемлемое отношение к архаичному институту похищения невесты. Девушки и молодые женщины находятся под сильным влиянием этнокультурных адатных гендерных стереотипов и пытаются найти то или иное оправдание такому способу вступления в брак. Приведем самые существенные из них. Во-первых, узкий диапазон возможностей самоутверждения девушкой себя в глазах молодых людей: «Если крадет, значит нужна и я чего-то стою». Во-вторых, низкая самооценка как личности, с мнением которой по такому важному вопросу, как вступление в брак, можно не считаться: «Раз украл, что делать, надо смириться, если уйду, кто меня после этого «позора» возьмет?». Примерно такая установка характерна практически для всех женщин, которые вступили в брак поневоле. В-третьих, правовая неграмотность – лишь внешняя причина, из-за которой молодые женщины не отстаивают свои права перед законом. Прессинг общественного мнения столь силен, что часть девушек вообще подвергают сомнению целесообразность регистрации брака в соответствии с законами РФ. Социальное напряжение в обществе, возросшее из-за умыкания девушек, вынудило вмешаться в проблему Главу Чеченской республики. Но гендерный правовой баланс в обществе – явление, в котором доминирующим фактором являются условия, определенные историческим, ментальным, культурным контекстом.

Равенство супругов как норму жизни признали среди не посещавших курсы чеченских женщин 64,3%, в то время как остальные подчеркнули, что не считают данное условие приемлемым в рамках чеченского общества, где гендерные отношения, как и в любой патриархатной культуре, рассматриваются только с позиций господства и подчинения.

Вступать в оппозицию с обществом, где соблюдение традиционного уклада квалифицируется как морально-нравственная норма, респонденты считают делом бесперспективным, поэтому только треть опрошенных согласны разводиться по российским законам. Так, при опросе 27% женщин считают, что предпочли бы разводиться по российским законам, по шариату

⁹ Региональная благотворительная общественная организация «Женское достоинство» Woman's dignity" Regional charitable public organization Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Кольцова 103, тел. 007-9287899661, e-mail: womensdignity@mail.ru, bazaeva@mail.ru

– 15%, а остальные 58% выразили мнение, что разводиться следует по законам адатов. Нужно еще отметить, что если разница между гражданскими законами и адатами для женщин очевидна, то с законами шариата респонденты были не знакомы. Значительная часть опрошенных женщин (58%) считают законы адатов и шариата тождественными.

Механизм реализации гражданских законов нередко обусловлен параллельным функционированием законов адата (обычное право традиционной культуры чеченского общества) и законов шариата, что создает определенный правовой нигилизм как у мужчин, так и у женщин.

Низкая правовая культура женщин по всем названным нормам права, доминирование гендерных стереотипов в контексте их иерархических установок приоритетного положения мужчины является следствием итогов бракоразводных процессов (право на воспитание детей при разводе и т.п.). Гендерный правовой дисбаланс обусловлен несовпадением правовых ментальных конструктов традиционного общества с гендерным правовым полем гражданского права. Данное состояние детерминирует условия сохранения определенного социального напряжения в чеченском обществе в условиях трансформации.

Четвёртая глава посвящена «Исследованию изменений в гендерной идентичности чеченцев-мигрантов, проживающих в регионах Юга России и Западной Европе».

Первый параграф «Специфика гендерного восприятия чеченцами-мигрантами иноэтнической среды» содержит программные положения и результаты социологического исследования изменений в гендерной идентичности чеченцев-мигрантов, проживающих в регионах Юга России и Западной Европе. В параграфе анализируются мнения и определения чеченцев-мигрантов в отношении условий, образующих пространство социальных взаимодействий и отношений мигрантов с принимающей средой. Классификация по причинам и направлениям выезда чеченцев с территории своего автохтонного проживания позволяет выделить три миграционных потока, которые можно охарактеризовать как внутрироссийскую, межрегиональную миграцию и международную миграцию. Это выезд и возвращение (внутренняя репатриация) населения, вынужденно покинувшего территорию республики в связи с военными действиями. Наибольшую масштабность этот поток приобрел в самом начале военных действий 1999–2002 гг., когда места проживания на территории Чеченской республики, по данным государственной регистрации, покинули 568,7 тыс. чел., из них в Ингушетию переместились 308,9 тыс. чел.

Второй поток – внутрироссийская миграция чеченцев в другие регионы страны, особенно на сопредельные территории с преимущественно русским населением. По данным, собранным представителями Президента Чеченской республики в субъектах Российской Федерации, общественными организа-

циями и землячествами, приблизительная численность чеченцев, проживающих в субъектах Российской Федерации на 01.09.2010 г., составляла 400810 чел.: из них 211870 чел. с постоянной регистрацией, 101073 с временной регистрацией, в вузах обучались 16181 студент. В административных субъектах Южного федерального округа на условиях постоянной регистрации проживали 81692 чеченца, обучались в вузах этого субрегиона – 7565 чеченцев. Более многочисленное представительство характерно для Волгоградской области (23000 чел.), Краснодарского края (12500 чел.), Ростовской (19000 чел.) и Астраханской областей (19000 чел.), в Ставропольском крае на тех же условиях проживали 18000 чеченцев и обучались в вузах 1785 чел.

Третий поток составляют эмигранты в страны ближнего и дальнего зарубежья. По информации, полученной по линии Европарламента, УВКБ ООН и через представителей чеченских диаспор, проживающих за рубежом, общая численность чеченцев, живущих вне Российской Федерации, составляет 266352 чел. Из них в странах СНГ проживает 90132 чел., в европейских странах проживает 110220 чел.

Респондентами в проведенном опросе стали представители чеченского этноса, мигрировавшие из Чечни и проживающие в городах и сельских поселениях ряда регионов РФ, а также в Бельгии. Всего опрошено 292 чел.: из них жителей Астраханской области – 87 чел., Краснодарского края – 96 чел., Ставропольского края – 109 чел., Бельгии – 75. Время проведения опроса апрель–июль 20011 г.

Залогом успешной адаптации для мигрантов служит установление в новой социальной среде устойчивых связей, систематических отношений с окружающими людьми. На пути установления продуктивных контактов, отношений сотрудничества между мигрантами и местными жителями стоят различия в ценностных ориентациях и установках, отличия поведения, традиций, обычаев, соотносящихся между собой в той или иной степени толерантно. Интолерантность, возникающая на почве различий в традициях и привычках, способах поведения, порой становится причиной, порождающей противоречия, социальную напряженность и конфликты взаимодействующих сторон.

Материалы исследования свидетельствуют о том, что переселяющиеся в южно-российские регионы чеченцы сталкиваются здесь с тревожно-напряженными ожиданиями местного населения в их адрес. По данным опроса, в целом по трем южно-российским регионам выявляется неоднозначное восприятие мигрантами обстановки в принимающем обществе. По большей части, как считают респонденты, она вполне благоприятная, поскольку 32,1% опрошенных определяют ее как доброжелательную и спокойную или как нейтральную (36,8%). Вместе с тем достаточно велик потенциал напряженности (24,8%) и есть проявления конфликтности (3,6%). Положение в российских регионах сильно контрастирует с тем, что демонстрируют данные

опроса, проведенного в Бельгии, где элемент напряженности составляет очень малую величину (2,7%). Если по этим данным мы видим равномерное распределение показателей по гендерному признаку, то в российском массиве обнаруживаются очень заметные различия. Так, здесь оценивают обстановку как доброжелательную и спокойную 22,0% мужчин и 48,3% женщин, как конфликтную – 5,5% мужчин и 1,0% опрошенных женщин.

В российских регионах ситуацию восприятия чеченцами-мигрантами иноэтнической среды можно определить как содержащую определенный потенциал толерантности. 43,1% респондентов (36,5% среди мужчин и 52,2% среди женщин) в Ставропольском крае признают, что местное население относится к ним с сочувствием, дружелюбностью и готовностью помочь. Со всем другая обстановка, по мнению респондентов, в Краснодарском крае. Здесь только 19,8% чувствуют поддержку местных жителей и также с высокой степенью различий между мужчинами (8,1%) и женщинами (41,2%). В Астраханской области, по восприятию респондентов, фиксируется низкий уровень доброжелательных отношений. На проявление таковых указывают только 11,3%. И, напротив, высока доля (25,8%) тех, кто считает, что местное население настороженно относится к переселенцам, на этот раз с преобладанием тревожных чувств у женщин (33,3%).

Рассматривая характер восприятия чеченскими мигрантами иноэтнической среды принимающего общества по признаку оценки ими состояния межнациональных отношений в месте нового проживания, обратим внимание на общую составляющую этой оценки в виде мнения, что таковые отношения складываются в довольно сложную мозаику. Весьма наглядно, что респонденты из Бельгии демонстрируют в своих ответах резко отличное от восприятия российской действительности представление о характере отношения к приезжим. По утверждению 72,0 % от общего числа, местное население Бельгии относится к ним с сочувствием, дружелюбием и готовностью помочь, в то время как по обобщенным данным опроса в трех российских регионах проявление такого отношения к мигрантам чувствуют только 25,5% опрошенных здесь чеченцев.

Несмотря на то, что прямое указание на наличие конфликтных отношений и явных межэтнических конфликтов присутствует у небольшого числа респондентов (3-9%), значительная часть их оценивают в целом обстановку как напряженную. Особенно это характерно для Краснодарского края. Здесь 47,9% опрошенных считают, что в межнациональных отношениях по месту проживания существует некоторая напряженность. В Ставропольском крае на наличие такой напряженности указывают 22,0% респондентов. В Астраханской области также 22,9% опрошенных чувствуют наличие напряженности в отношениях с местными жителями, 12,5% указывают на наличие конфликтов на национальной почве.

Очень заметны гендерные различия в оценке состояния межэтнических отношений. Так, в Краснодарском крае респонденты-мужчины в 2 раза чаще, чем женщины (59,7% против 26,5% соответственно), указывают на наличие напряженности. Среди них 14,5% говорят о том, что имеются конфликты на национальной почве, в то время как ни одна из опрошенных женщин не отметила таковых. В Ставропольском крае уровень конфликтности оценивается с гораздо меньшей частотой (у мужчин – 7,9%, у женщин их нет совсем), однако различия в оценке доброжелательности в отношениях очень выразительные. «Отношения хорошие, люди не обращают внимания на национальность друг друга», – так считают 50,0% женщин и 23,8% мужчин. Самая высокая частота конфликтов присуща мужчинам в Астраханской области.

Если говорить об удовлетворенности чеченских мигрантов характером взаимоотношений с местным населением, то в Астраханской области настраивание «полной удовлетворенности» выражают 20,6% и «скорее удовлетворены, чем нет» – 53,6%. Это средние показатели с явным преобладанием чувства удовлетворенности среди женщин. В Ставропольском крае уровень удовлетворенности значительно выше: 38,5% – однозначно «Да» и 35,8% – «Скорее да, чем нет». При этом однозначно «Да» склонны отвечать мужчины, а по индикатору «Скорее да, чем нет» в два раза чаще ответили женщины (50,0%), чем мужчины (25,4%).

Еще более контрастно воспринимают это отношение респонденты Краснодарского края. Так, однозначно удовлетворены характером взаимоотношений с местным населением 6,5% опрошенных здесь мужчин и 30,3% женщин. «Скорее удовлетворены» 29,0% мужчин и 45,5% женщин, «полностью не удовлетворены» 16,1% мужчин, и ни одного ответа по этой позиции у женщин.

В заключение параграфа делаем вывод о том, что адаптация и интеграция чеченцев-мигрантов в новую социальную среду носят болезненный характер, сопряжены с рядом трудностей и необходимостью их преодоления, к чему значительная часть не готова. Это вызывает естественное чувство ностальгии у респондентов из Бельгии; состояние неудовлетворенности ситуацией, желание продолжать поиски лучших условий жизни – у российских респондентов. Общим знаменателем для настроений чеченцев-мигрантов является их ментальное стремление к возвращению на свою историческую родину.

Во втором параграфе «Гендерные аспекты определения идентификационных предпочтений и самоидентификации чеченцев-мигрантов» автор обращает внимание на очень важный методологический аспект изучения процессов трансформации самоидентичности этнических мигрантов. В связи с общей ситуацией социальной нестабильности в современной России в российском обществе по-новому актуализирована потребность в объединениях и социальных связях: в солидарности, идентичности, принадлежности к группе. В 1990-е гг. – начале XXI в. произошло резкое возрастание потребно-

сти индивидов и групп людей в осознании своей этнической принадлежности, в позитивной этнической идентичности и в этнической безопасности¹⁰.

Для российской действительности характерным трендом изменений обществ северо-кавказских народов в постсоветское время стало возвращение на путь традиционализма, очень тесно переплетенного с религиозной идеологией. Приверженность традициям при этом понимается как необходимое условие и средство очищения этнокультуры от «коррозии», происходившей в условиях советского общества, как путь восстановления и сохранения национальной самобытности, подвергающейся испытаниям глобализмом.

В изучаемом нами гендерном аспекте традиционализм, как показывают материалы конкретно-социологического исследования, не выступает для чеченцев-мигрантов тотально привлекательным способом поведения. По полученным данным, считают, что «необходимо вернуться к обычаям традиционной культуры» 56,0% респондентов-мужчин из южно-российских регионов и 26,6% женщин. Среди российских регионов, где проводился опрос, наибольшую ментальную приверженность к восстановлению и использованию традиций демонстрируют респонденты-мужчины из Краснодарского края – 71,0%, в то время как у опрошенных женщин этот показатель равен 26,5%. В Бельгии у чеченцев-мигрантов несколько иное отношение к традициям как способу жизни в условиях иноэтничности. Здесь у опрошенных мужчин уже нет того однозначного стремления к сохранению традиционности, более сильно выражено согласие с утверждением: «Понятие "настоящий мужчина" и "настоящая женщина" стали меняться. К прошлым стандартам не вернуться – это объективный процесс».

При определении своей самоидентичности респонденты из южно-российских регионов и Бельгии делают акцент на 3–4 основных признаках, составляющих, по всей видимости, ядро идентификационного самоопределения чеченца. Один из чаще всего артикулируемых в ответах респондентов признаков самоидентичности у чеченцев-мигрантов – национальная принадлежность («мы – люди своей национальности»). Принадлежность к этногруппе – весьма существенная составляющая самоидентичности у респондентов из российских регионов – 62,2% и в Бельгии – 64,0%.

Значимым признаком самоидентичности чеченцев-мигрантов является конфессиональная принадлежность («мы – люди своей веры»). По этому признаку самоидентифицируют себя 57,3% опрошенных в российских регионах и 65,0% в Бельгии. Несмотря на отрыв мигрантов от места исторического проживания, они все же в очень значительной степени сохраняют представление о своей прежней территориальной принадлежности. 78,8% по данным опроса в Астраханской области, Краснодарском и Ставропольском краях, и 69,3 % в Бельгии позиционируют себя как «жители Чечни». При этом более

¹⁰ Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. – М., 1998. – С. 335.

широкие социально-территориальные идентичности явно уступают в своей значимости. Так, на принадлежность к жителям Северного Кавказа указывают 34,4% в российских регионах и 20,0% в Бельгии.

Один из ключевых моментов, имеющих политико-идеологический смысл, – это место и степень значимости в структуре самоидентичности, гражданских чувств, находящих свое выражение в общероссийской идентичности. Результаты опроса чеченцев-мигрантов свидетельствуют о том, что российская гражданская принадлежность при конструировании общей самоидентичности личности чеченца не входит в ценностное ядро идентификационных предпочтений, а располагается на ее периферии. На эту сторону своей самоидентичности указывают всего 11,9% опрошенных чеченцев-мигрантов в южно-российских регионах и 8,0% в Бельгии.

В российских регионах по месту проведения опроса выявляются свои особенности идентификационных предпочтений. Так, в частности, обнаруживается, что у чеченцев-мигрантов, проживающих в Краснодарском крае, ценность общероссийской гражданской идентичности весьма занижена. С этим признаком солидаризуется здесь только 3,2% респондентов-мужчин и 8,8% женщин. Здесь же, особенно сильно у мужчин (45,2% против 24,7% в среднем по трем регионам), активирована принадлежность к людям определенных политических взглядов. Более высокий, по отношению к среднему, уровень общероссийской гражданской идентичности фиксируется в Астраханской области (17,2% у мужчин и 25,6% у женщин). Высокая значимость принадлежности к группе людей своей профессии, рода занятий выявляется в Ставропольском крае (38,1% у мужчин и 52,2% у женщин при средних показателях 29,7% и 43,7% соответственно).

Данные исследования однозначно указывают на ярко выраженный этноцентричный характер самоидентичности чеченцев-мигрантов. Подавляющее большинство респондентов, отвечая на вопрос: «Как Вы определяете свое личное отношение к собственной национальности?» – выбрали вариант «Я горжусь своей национальностью». По массиву опрошенных в южно-российских регионах этот индикатор отмечен в 82,5% ответов, в Бельгии – в 84,0% ответов.

Рассматривая гендерные особенности распределения признаков самоидентификации, мы обнаруживаем, что респонденты-мужчины в большей степени тяготеют к этнической и территориально-этнической идентичности. Несколько реже, чем у женщин, происходит самоопределение по признаку единоверия.

Для женщин гораздо большую ценность представляет принадлежность к общероссийской гражданской общности людей.

Тревогу по поводу утраты культурной самобытности как основания своей этнической самоидентичности испытывают практически все респон-

денты. Данные проведенного исследования дают возможность понять характер отношения респондентов к настоящему состоянию и перспективе сохранения своей этнокультуры в иноэтничном окружении. Чеченцами-мигрантами по-разному воспринимается и переживается острота опасений, связанных с поддержанием своей этнокультурной самоидентичности. Также по-разному выстраиваются действия, нацеленные на смягчение неизбежности влияния процессов аккультурации на отдельных людей и их группы, прежде всего семейные.

В свете полученных данных наглядной предстает разница в этих опасениях между проживающими в российских регионах и в Бельгии. Респондентам из Бельгии, видимо, в силу более контрастной инокультурности, а возможно, и более благоприятных условий для сохранения традиций из-за большей этнозамкнутости присуще большее стремление и, соответственно, желание предпринимать более значительные усилия по поддержанию своей этнокультурной самобытности. Соглашаются с вариантом ответа: «Боюсь, поэтому пытаюсь в семье сохранять традиции своего народа» – на вопрос об опасениях утратить свою культуру ответили 50,0% опрошенных в южно-российских регионах и 84,0% – в Бельгии.

Очень показательны при этом гендерные особенности опасений, связанных с перспективами утраты своей культуры. Женщины демонстрируют более адаптивное отношение к условиям принимающей среды. В южно-российских регионах деятельно-активный вариант ответа: «Боюсь, поэтому пытаюсь в семье сохранять традиции своего народа» – отметили 57,1% мужчин и 39,5% женщин. По данным опроса в Бельгии, показатели, как мы уже отметили, существенно превышают российские, но также с заметной разницей между мужчинами и женщинами.

Полученные данные свидетельствуют о том, что значительная часть опрошенных скептически относится к возможностям и перспективе сохранения традиций своего народа в условиях постоянного или достаточно длительного проживания в инокультурной среде. Особенно это проявляется в ответах респондентов из российских регионов: «Что-то пытаюсь сохранить, но чем дальше от Родины, тем сложнее». 30,8% опрошенных здесь мужчин и 41,2% женщин выбрали вариант аккультурационной стратегии – маргинализации, то есть частичных уступок и непроизвольному смешиванию с культурой принимающего общества. Сравнительно небольшая часть опрошенных (7,9% – в российских регионах и 5,3% – в Бельгии) принимает и реализует в своих практиках стратегию ассимиляции.

Таким образом, положение мигрантов-чеченцев, их самоопределение в новой среде, идентификационные предпочтения противоречивы по своим проявлениям, имеют ярко выраженные региональные различия. Не менее существенными являются различия в самоидентичности гендерного характера, нахо-

дающие свое выражение в ощутимой разнице реакций, чувств и отношений к отдельным параметрам своего жизненного существования у мужчин и женщин.

В параграфе 4.3 «Гендерные особенности воспроизводства самоидентичности и социальной самореализации мигрантов из Чечни» отмечается, что проблема воспроизводства этнической идентичности мигрантами в ситуации взаимодействия с принимающим обществом имеет широкую теоретическую и эмпирическую базу в отечественной и зарубежной научно-исследовательской практике.

Воспроизводство этнической самоидентичности у мигрантов – сложный процесс взаимодействия представителей разных этносов, в результате которого происходит формирование новой позитивной (сходной или общей с коренными жителями) социальной идентичности, адекватной изменившимся социальным условиям, а также процесс развития личностного потенциала мигрантов по мере их включения в различные виды деятельности (и прежде всего в трудовую деятельность), в систему межличностных отношений с местными жителями.

Результатом многообразных процессов, влияющих на изменение в самоидентичности мигрантов, может стать достижение социальной и психологической интеграции с еще одной культурой без потери богатств собственной. В большинстве случаев наиболее предпочтительным вариантом аккультурационной стратегии для большой массы этнических мигрантов становится интеграция. Эта стратегия предполагает бережное сохранение и дальнейшее развитие собственного культурного наследия при самом благожелательном отношении к разнообразным формам взаимодействия с местным населением. Как показывает практика, для мигрантов успешная адаптация – это адаптация по типу «интеграции», неуспешная – это адаптация по типу психологической защиты или изоляции.

Семья, взаимодействия и взаимоотношения между ее членами являются основным социальным пространством, в котором создаются условия для воспроизводства самоидентичности во всех ее проявлениях и состояниях. В своих ответах респонденты стараются выразить убеждение, что влияние новой среды на их привычную жизнь не создает существенных угроз, а если таковые и возникают, то они успешно преодолеваются. С равномерным гендерным распределением 48,0% опрошенных в южно-российских регионах и 42,7% в Бельгии на вопрос о влиянии жизни в другом регионе на взаимоотношения в семье отрицают это влияние, отвечая: «Нет, наши отношения сохранили прежнюю эмоциональную окраску и чужая культура никак не влияет». Еще одна значительная доля респондентов с той же гендерной равномерностью утверждает: «Какие-то элементы влияют на нас, но в целом мы пытаемся во всем придерживаться своих культурных и религиозных тради-

ций». Такого мнения придерживаются 27,2% опрошенных в южно-российских регионах и 28,3% в Бельгии.

В плоскости условий, возможностей и ограничений, влияющих на процессы и результаты воспроизводства самоидентичности чеченцев-мигрантов, находится их отношение к межнациональным бракам. Очевидно, что образование таких браков может нести в себе определенные риски для поддержания этнокультурной гомогенности, в известной степени не способствовать сохранению и полноценной передаче последующим поколениям языка, культурных традиций и обычаев.

Существенным фактором воспроизводства этнической самоидентичности является образование и функционирование различных форм социальной организации этнических мигрантов. Для чеченцев-мигрантов семья, родственники становятся опорой в трудных ситуациях, при решении различных проблем.

Если 72,5% респондентов из южно-российских регионов рассчитывают на получение помощи в трудных ситуациях от друзей, то среди участников опроса в Бельгии таковых набирается только 20,0%. Не срабатывает в Бельгии и фактор соседей: к ним могут обратиться только 4,0% опрошенных, в то время как 18,2% российских участников опроса, а у женщин 23,5%, высказывают надежду на их помощь. Для российских респондентов (37,4%), особенно для мужчин (47,8%), при решении трудных проблем замечен авторитет национальной общины. В Бельгии же ее значение совсем незначительно (5,3%). На деловые связи, товарищей по работе надеются опереться в случае возникновения трудных ситуаций 25,8% респондентов в южно-российских регионах и только 1,3% в Бельгии.

Особенности частотных распределений ответов по отдельным южно-российским регионам видны в том, что в Краснодарском и Ставропольском краях женщины испытывают выше средней степень доверия: к друзьям – 70,6% и 78,3%; к соседям – 26,5% и 34,8% соответственно регионам. У мужчин из числа респондентов Краснодарского края более выражено стремление опереться в трудных ситуациях на национальную общину, а в Астраханской области – на друзей: 67,7% и 81,0% соответственно указанным регионам.

По данным опроса, роль национального языка в воспроизводстве этнокультурной самоидентичности остается исключительной для чеченцев-мигрантов в Бельгии. Весьма значимое место в воспроизводстве самоидентичности принадлежит родному языку и в южно-российских регионах (47,0%). При этом с большей частотой говорить с членами семьи на родном языке стараются мужчины (52,7% опрошенных) и реже женщины (38,7%).

Анализ практики социальной адаптации мигрантов свидетельствует о том, что в качестве ее социальных индикаторов могут выступать следующие: отношения с местным населением; трудоустройство и удовлетворенность своей работой (содержанием и характером труда, возможностями самореали-

зации и самоутверждения, возвращением утраченного социального статуса); степень решенности жилищных проблем, социально-бытовых вопросов; отношение в обществе к мигрантам.

Одно из важнейших значений в процессах воспроизводства самоидентичности мигрантов принадлежит тому, как происходит их самореализация в трудовой деятельности. Прежде всего обращают на себя внимание данные опроса о трудовой занятости чеченцев-мигрантов в Бельгии. Здесь 44,4% респондентов-мужчин и 42,6% женщин указывают на то, что они не работают, а из тех, кто имеет трудовую занятость, только 34,5% работа «вполне устраивает» и 5,3% «скорее устраивает». По ответам опрошенных, в южно-российских регионах не работают 23,6% мужчин и 37,0% женщин. Уровень удовлетворенности работой трудозанятых здесь существенно выше, чем в Бельгии.

Самореализация через статусно-ролевую идентичность в трудовой деятельности чеченских мигрантов в местах вселения носит довольно противоречивый характер. В одних регионах показатели трудозанятости довольно высокие. Так, из всех опрошенных в Ставропольском крае указали, что не имеют работы 14,7%. В Краснодарском крае безработных заметно больше – 20,8%. И совсем высокий уровень незанятых демонстрируют ответы респондентов в Астраханской области, особенно среди женщин – 53,1%.

По характеру трудовой деятельности среди опрошенных обнаруживаются две группы. Более многочисленная – частные предприниматели. В Астраханской области их 47,8%, в Краснодарском крае – 57,3%, в Ставропольском крае – 43,1%. В Бельгии представители этой группы очень немногочисленны (2,8% респондентов-мужчин).

Вторая, менее многочисленная, но вместе с тем значительная группа – это работающие мигранты по найму. В Астраханской области представители этой группы составляют 16,3%, в Ставропольском крае – 43,1%, в Краснодарском крае – 20,8%. Среди бельгийских респондентов ее представители составляют 50,0% у мужчин и 38,5% у женщин.

Но самая значительная группа чеченцев-мигрантов (44,4% опрошенных мужчин и 56,4% женщин), ввиду отсутствия трудовой занятости, в качестве основного источника доходов семьи указывает на помощь государства. Респондентами из южно-российских регионов такой источник доходов семьи как основной указан 7,1% мужчин и 5,9% женщин.

В Бельгии основу доходов для многих семей составляют выплаты государственных пособий, что в совокупности с другими возможностями и ресурсами обеспечивает, по свидетельству опрошенных, приемлемый уровень жизненного благополучия. Это подтвердили, по данным опроса, проведенного в Бельгии, 66,7% мужчин и 71,8% женщин.

Значительно меньшая по своей относительной доле, чем в Бельгии, часть респондентов из российских регионов указывает на свое «благополуч-

ное положение». Здесь 29,1% опрошенных мужчин и 37,8% согласны с утверждением: «Живу хорошо, без особых материальных проблем».

В Астраханской области 40,6%, характеризуя свое материальное положение в настоящее время, считают, что они «живут хорошо, без особых материальных проблем». Чуть ниже эта позиция по Ставропольскому краю – 35,8%. Среди респондентов в Краснодарском крае 20,8% оценивают свое материальное положение как «хорошее» и 66,7% как «приемлемое».

В заключении параграфа делается вывод о том, что в российских регионах и в Бельгии чеченцы-мигранты находят новые условия своей жизни, с одной стороны, достаточными или, по крайней мере, не противоречащими воспроизводству основных черт и характеристик своей этносоциальной и этнокультурной самоидентичности. Представители чеченцев-мигрантов, разделяющие такие оценки своего положения и возможности воспроизводства самоидентичности в принимающем обществе, несомненно, уверены в устойчивой перспективе своей жизни. С другой стороны, также достаточно большая доля респондентов находится в состоянии тревоги из-за опасений утратить основания своей этнической и культурной идентичности, то есть угрозы маргинализации и ассимиляции в принимающем обществе.

В **Заключении** обобщаются результаты исследования, формулируются выводы в соответствии с целями и задачами, подчеркивается теоретическая и практическая значимость работы, намечаются перспективы дальнейшей разработки проблемы.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Монографии

1. Курбанова Л.У. Трансформация роли женщины Чечено-Ингушетии в обществе в предвоенный период и в экстремальных условиях Великой Отечественной войны. – Майкоп: Из-во «Магарин О.Г.», 2011. (14,5 п.л.)

2. Курбанова Л.У. Проблемы и процессы гендерной самоидентификации чеченцев (Теоретическое и эмпирическое исследование). – Краснодар: «Издательство ООО «Просвещение-Юг», 2012. (12,1 п.л.)

Статьи, опубликованные в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ:

3. Курбанова Л.У. Традиционная культура и трансформация общества: гендерный аспект // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2009. – №4 (97). (0,5 п.л.)

4. Курбанова Л.У. Правовая культура как фактор гендерной самоидентификации личности: (социологический аспект) // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2010. – №3. (0,5 п.л.)

5. Курбанова Л.У. К проблеме гендерной идентичности: социокультурный аспект // Научные Ведомости Белгородского университета. – 2010. – №2 (97). (0,5 п.л.)

6. Курбанова Л.У. Место женщины в социологической концепции Дороти Смит // Научные Ведомости Белгородского университета. – 2011. – №8. (0,5 п.л.)

7. Курбанова Л.У. Роль стереотипов в конструировании и функционировании гендерной идентичности: теоретический аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2011. – Вып. 3. (85). (0,5 п.л.)

8. Курбанова Л.У. Гендерная идентичность в контексте социокультурной парадигмы // Научные Ведомости Белгородского университета. – 2012. – №1. (0,5 п.л.)

9. Курбанова Л.У. Процессуальные и структурные аспекты проблемы гендерной идентичности // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2012. – №1. (0,5 п.л.)

10. Курбанова Л.У. Влияние психотравм на гендерные особенности идентификационного поведения в чеченском обществе // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 2. (0,5 п.л.)

11. Курбанова Л.У. Правовая культура как фактор гендерной идентификации женщины-чеченки // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 3. (0,5 п.л.)

12. Курбанова Л.У. Внутривосприимчивые мигранты из Чечни в местах нового вселения: некоторые особенности самоидентификации // Теория и практика общественного развития [Электронный ресурс]. – 2012. – № 4. (0,5 п.л.)

В других изданиях

13. Курбанова Л.У. Проблемы формирования российского патриотизма у молодежи Чеченской республики // Доклады и материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 10-летию национальной системы образования Республики Калмыкия. – Элиста: Калмыкское книжное издательство, 2003. (0,8 п.л.)

14. Курбанова Л.У. Пути формирования культуры межнационального общения у студентов в условиях социально-политического кризиса // Традиционная культура как действенное средство патриотического воспитания, формирования культуры межнационального общения и согласия в студенческой среде: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. (21-23 мая, Пятигорск. 2003г.). – Пятигорск, 2003. (0,3 п.л.)

15. Курбанова Л.У. Школа как институт социализации личности // Вестник Института проблем образования Министерства общего и профессионального образования Чеченской республики. – Вып. 1. – Грозный, 2003. (0,5 п.л.)

16. Курбанова Л.У., Малышева Е.М. Вклад народа Чечено-Ингушетии в Победу // Вестник АРИГИ, 2004. (1 п.л.)

17. Курбанова Л.У. Патриотизм женщин Чечено-Ингушетии в создании фонда обороны, оказание помощи фронту и Красной Армии (1941-1944 гг.) // Вестник АГУ. – 2004. – №4. (0,8 п.л.)

18. Курбанова Л.У. Этнопедагогическая подготовка будущего учителя национальной школы // Вестник Института проблем образования Министерства общего и профессионального образования Чеченской республики. – 2004. – Вып. 2. (0,5 п.л.)

19. Курбанова Л.У. Изменение властных установок в семье и проблема гендера // Вестник Института проблем образования Министерства общего и профессионального образования Чеченской республики. – 2006. – Вып. 4. (0,5 п.л.)

20. Курбанова Л.У. Влияние культуры на конструирование гендерной идентичности // Вестник Института проблем образования Министерства общего и профессионального образования Чеченской республики. – 2006. – Вып. 5. (0,5 п.л.)

21. Курбанова Л.У. История трансформации роли женщины Чечено-Ингушетии в экстремальных условиях 1-ой половины XX века. – Грозный: Издательско-полиграфический центр ГНИ «JISA NUR», 2004. (2 п.л.)

22. Курбанова Л.У. Общественное сознание современной чеченской молодежи: проблемы формирования российского патриотизма // Ежегодный сборник научных статей молодых ученых и аспирантов. – Майкоп, 2004. (0,5 п.л.)

23. Курбанова Л.У. Технология формирования личности в школе // Вестник Института проблем образования Министерства общего и профессионального образования Чеченской республики. – 2005. – Вып. 3. (0,5 п.л.)

24. Курбанова Л.У. Кризис духовной культуры и проблема формирования личности в условиях диалога культур // Россия и Восток: Проблема толерантности в диалоге цивилизаций: Материалы IV Международной научной конференции (3-6 мая 2007 г. Астрахань). – В 2 т. – Т.1. – Астрахань, 2007. (0,3 п.л.)

25. Курбанова Л.У. Трансформация социальной структуры Чеченского общества и гендерные стереотипы // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру: Материалы V-го Международного Конгресса (8–12 октября 2007 г. Пятигорск). – Пятигорск, 2007. (0,2 п.л.)

26. Курбанова Л.У. Идеология войны и проблема гендерной идентичности // Гендерные отношения в культуре народов Северного Кавказа: Материалы региональной научной конференции / Отв. ред. А.И. Османов. – Махачкала, 2008. (0,2 п.л.)

27. Курбанова Л.У. Роль этнопедагогики как интегрирующего фактора воспитания в поликультурной среде // Ксенофобия и другие формы нетерпимости: природа, причины и пути устранения: Международная научно-теоретическая конференция (Санкт-Петербург, 27–28 сентября 2007 г.). – СПб., 2007. (0,8 п.л.)

28. Курбанова Л.У. Кризис духовной культуры и проблемы гендерной идентификации // Гендерные отношения в культуре народов Северного Кав-

каза: Материалы региональной научной конференции / Отв. Ред. А.И. Османов. – Махачкала, 2008. (0,2 п.л.)

29. Курбанова Л.У. Гендерная система межличностного взаимодействия // Диалог культур в изменяющейся России: исторический опыт региона и социокультурная реальность: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Ставрополь, 2008. (0,3 п.л.)

30. Курбанова Л.У. «Множественная субъективность» как результат развития методологии постструктурализма: гендерный аспект // Актуальные проблемы философии социально-гуманитарных наук. – Ростов-на-Дону, 2008. (0,5 п.л.)

31. Курбанова Л.У. Развитие концепции женской субъективности в теории Джудит Батлер // ХХI век: итоги прошлого и проблемы настоящего: Межвузовский сборник научных трудов (международный выпуск). – Выпуск 11. – Пенза, 2008. (0,3 п.л.)

32. Курбанова Л.У. Проблемы этнической самоидентификации личности в условиях депортации // Чеченцы в сообществе народов России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 420-летию установления добрососедских отношений между народами России и Чечни. – Т. 1. – Назрань, 2008. (0,5 п.л.)

33. Курбанова Л.У. Проблема гендерной идентификации в условиях социальной нестабильности общества (на примере Чеченской республики) // Мужское и мужественное в современной культуре: Научные доклады и сообщения. – СПб., 2009. (0,3 п.л.)

34. Курбанова Л.У. Философия жизни Г. Зиммеля как отражение дискурса гендера в контексте западноевропейской мысли рубежа XIX–XX веков // Известия ЧГПИ. – 2011. – №4. (0,5 п.л.)

35. Курбанова Л.У. Западноевропейская философия XIX–XX веков. – Грозный: Издательско-полиграфический центр ГНИ «JISA NUR», 2011. (2 п.л.)

36. Курбанова Л.У. Повышение правовой культуры женщин как важное условие гражданской идентичности (на основе социологических исследований среди женщин Чеченской республики): Ежегодный бюллетень: Европейский центр защиты прав человека (EHRAC) European Human Rights Advocacy Centre (EHRAC), LH222 Ladbroke House, 62-66 Highbury Grove, London, N5 2AD, UK, 2011 г. (0,6 п.л.)

37. Курбанова Л.У. Гендерные аспекты занятости на рынке труда в Чеченской республике // Наука, образование, инновации: Всероссийская научно-практическая конференция (26–27 ноября 2011 г. Грозный). – Грозный, 2011. (0,5 п.л.)

38. Курбанова Л.У. Культура и гендер. – Грозный: Издательско-полиграфический центр ГНИ «JISA NUR», 2009. (2 п.л.)

Курбанова Лида Увайсовна

**ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ
ЧЕЧЕНЦЕВ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ**

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Подписано в печать 22.04.2012. Формат бумаги 60х84 /16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 2,0. Заказ 046. Тираж 100 экз.
Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной
полиграфии ИП Магарин О.Г. 385011, г. Майкоп, ул. 12 Марта, 146/211.